

Стая

Автор:

Ольга Коротаева

Стая

Ольга Ивановна Коротаева

Нет страшнее человека, одержимого запретной любовью. Такой поднимет руку на собственного брата, спалит родовой замок, бросит в Волчьем лесу ребенка, лишь бы стереть любое напоминание о сопернике.

Но маленькая девочка выжила, стала своей в волчьей стае и приняла ее жестокие законы. Кота выбрала путь крови и считала, что никогда не откажется от мести, пока не встретила молодого красивого мага.

Ольга Коротаева

Стая

Глава 1

Едва видимая тропинка тонула в черных провалах деревьев ночного леса. Кусты дикой малины больно били блестящие от пота бока гнедого жеребца, и это подхлестывало его не меньше, чем беспощадные шпоры наездника. Колт хрипел, закусив удила, и стриг темными, как смоль, ушами. Лес, и без того мрачный, окутывала атмосфера, какая бывает на скотобойне – лошади не знают, что произойдет, но запах смерти витает в воздухе, и животные кожей ощущают опасность. Так и здесь: колючие растения, оставляющие кровавые царапины,

глухие невнятные звуки, да еще и кислый запах волков, пропитывающий каждый кустик, каждую травинку. Ох, не нравилось ему это путешествие. И если бы наездник был другой, Колт обязательно сбросил бы его с себя и умчался прочь. Но жестокость хозяина и абсолютное его равнодушие к чьей бы то ни было жизни умирляли и более строптивых существ. Колт от всей души ненавидел всадника и безмерно боялся его.

* * *

Вперед! Опять этот упрямый жеребец норовит свернуть с пути. Холка его подрагивает – чует волков, гад... Но ему, Алодлору, как раз было необходимо попасть в Волчий лес. Ему нужно было в логово, в самый центр, дабы план осуществился наверняка. Ублюдок не просто обязан умереть, его должны разорвать на части, причинив как можно больше боли. И так жаль, что Сориану не суждено этого увидеть. Это было бы самой сладкой мстью. Но планы Алодлора не допускали столь пикантного наслаждения. Что ж, ради цели можно поступиться малым. А затем обрести гораздо больше.

Неожиданно жеребец выскочил на просторную круглую поляну, окруженную со всех сторон непроходимой чащей. Всадник резко натянул удила. Колт, ощутив резкую боль, загарцевал на месте. В мерцающем свете луны Алодлор разглядел точно посередине широкий плоский камень, покрытый испариной земли, от которой тот таинственно блестел и казался чернее, чем сам лес.

Жестко усмехнувшись, он спустился на землю, крепко держа удила. Эта строптивая скотина мгновенно удерет, как только ощутит хоть намек на свободу. Даже сам он ощущал волчий дух, исходящий от этого места. То, что нужно. И импровизированный алтарь имеется. Вот она, моя жертва тебе, Водд[1 - Водд – бог жизни, богатства, исполнения желаний. Чтобы снискать благосклонность бога, люди приносили ему кровавую жертву.], за исполнение мечты о жизни, полной радости, развлечений и любви.

Мужчина откинул тяжелый от сырости плащ и аккуратно левой рукой вынул из-за пазухи маленький сверток. Удивительно, но ребенок спал. Даже дикая скачка по мрачной чащобе не нарушила покой маленького существа. На бледном точеном лице мужчины заходили желваки. Нет, он не сомневался. Просто так велико было желание самому оторвать эту маленькую головку. Но он должен быть чист, поскольку в разгар какой-нибудь пьянки запросто мог похвастаться

тем, что собственноручно отвернул голову ублюдку. И путь к любви был бы закрыт навечно. Этого Алодлор не мог допустить.

Сплюнув в сторону, он дернул коня за уздцы и, стараясь перешагивать высокую, уже мокрую от ранней росы траву, направился к черному камню. Скоро рассветет, нужно спешить.

– Прости, тварь, – хмыкнул мужчина, аккуратно водружая сверток на мокрый камень. – Прощание будет скорым, мне еще надо закончить дела с твоим папочкой!

Еще раз сплюнув, он вскочил в седло и вонзил шпоры в и так израненные бока Колта. Жеребец заржал, встал на дыбы и, чуя близкую опасность, изо всех своих оставшихся сил метнулся в сторону дома.

Еще полчаса бешеной скачки. Похоже, конь продержится недолго, но Алодлор не щадил его, без конца всаживая шпоры. Ничего, скоро у него будет табун таких красавцев, и каждый день он будет решать, кого из них осчастливить честью быть под его седлом.

Как мужчина и ожидал, жеребец очень скоро рухнул наземь. Страх и бешеная скачка сделали свое дело. Спрыгнув в последний момент перед тем, как туша коня коснется земли, Алодлор ловко приземлился и быстро откатился в сторону. Встав и отряхнувшись, он увидел, что находится как раз на берегу Ори. Той маленькой речушки, что протекает около замка его брата. А значит тайный ход в крепостной стене, где он условился о встрече с верными ему людьми, где-то недалеко. Всадник жестко усмехнулся. Замечательно, скотина продержалась вполне достаточно. А дальше можно и без коня...

Колт хрипел, грудь его вздымалась рывками. Надо бы прикончить его, чтоб не мучился, но Алодлор не мог потерять ни секунды. План был просчитан до мелочей, и коню придется сдохнуть самому, без помощи хозяина.

Мужчина отстегнул уже насквозь промокший плащ. Тот водопадом обрушился на землю рядом с умирающим животным. У стены замка жалось несколько темных фигур, и Алодлор быстрым шагом направился к ним.

– Вы выполнили приказ? – строго спросил он невысокого, по сравнению с ним, коренастого человека в форменной одежде.

– Да, милорд, – подобострастно ответил тот, сгибаясь в поклоне. – Что с ней делать?

– Бросьте в реку, – отмахнулся Алодлор. – И немедленно приступайте ко второй части плана.

Воин сурово кивнул и подал знак спутникам. Несколько человек бросились в черную щель прохода. А двое оставшихся подняли с земли связанную по рукам и ногам женщину с мешком на голове. Она мычала, пытаясь кричать, и отчаянно сопротивлялась. Не обращая внимания на ее попытки, заговорщики втащили женщину на мост и спихнули в темноту воды. Ожидаемый Алодлором всплеск был перекрыт страшным взрывом по ту сторону крепостной стены. Он махнул рукой воину и двум его подчиненным, те быстро исчезли вслед за союзниками. Через минуту темный проход исчез, словно его тут никогда и не было, а крепкая шершавая стена всегда была монолитна и неприступна.

В наступившей тишине послышался стон со стороны моста. Женщина с мешком на голове испуганно сжалась в комочек, не зная, ушли ли те жестокие люди, что избили ее, надругались и бросили умирать. Вдруг то, что ей повезло зацепиться остатками корсета за клин, торчащий из балки, поддерживающей мост – лишь агония, небольшая отсрочка смерти? Но все было тихо. Женщина осмелела и, стараясь не обращать внимания на пульсирующую болью кровоточащую царапину в боку, оставленную острым колом, попыталась избавиться от пут. Чуть не теряя сознание, она содрала с кистей веревку, не видя неширокие полоски кожи на волокнах, которыми заплатила за свободу. Не зная, насколько высоко висит и как долго продержится корсет, сжалась от ужаса. Вздвогнув, поспешно ощупала узел на шее. Возможно, времени совсем мало.

Торопливо сорвав мешок с головы, испуганно огляделась. На берегу, хвала богам, не было никого. Но за крепостной стеной раздавались жуткие крики и непонятный шум, а в небе расцветало зарево пожара, смешиваясь с утренним просветлением на небе. Сердечко женщины застучало еще быстрее, хотя секунду назад казалось, что оно и так скоро выпрыгнет из груди.

Ломая ногти, она постаралась быстро распутать ноги. Ткань разорванного корсета сдавалась клину рывками, и каждое мгновение грозила бросить ее в пучину. Воды Чилва не боялась, поскольку хорошо плавала с детства. Но купаться в Ори со спутанными ногами было крайней степенью безрассудства... хотя плавать в этой маленькой, но опасной речушке, с переменчивым дном, быстрым течением и острыми валунами было всегда безрассудством: что без пут, что в путах. Впрочем, после только что пережитого ужаса вода ее почти не пугала.

Ткань угрожающе затрещала, клин продолжал пропарывать нежную кожу женщины. Та обеими руками сжала рот, силясь сдержаться и не закричать от боли. Ей оставалось только ждать конца медленной пытки: когда ткань окончательно сдастся, и клин отпустит ее измученное тело в ледяные воды Ори. Или же рискнуть и попытаться вылезти на мост? Боясь упасть, Чилва осторожно раскачалась и попыталась ухватиться за клин – тот постоянно выскакивал из рук. Периодически теряя сознание от боли и страха, она пробовала снова и снова. И вот, когда почти удалось извернуться, обхватив пальцами колючую деревяшку, завязки корсажа не выдержали. Склизкая деревяшка опять выскользнула.

Река с утробным звуком поглотила окровавленное тело, но Чилва поспешно изогнулась и сразу вынырнула на поверхность. Она знала: стоит только поддаться реке, и та потащит вниз по острым граням камней, обездвижит ледяным холодом конечности. И за пару минут все будет кончено. Женщина энергично, собрав последние силы, поплыла к берегу, благо речушка узенькая. Пара метров и она уже цепляется за гибкие кусты прибрежного кустарника, стараясь поскорее вытащить из воды коченеющие ноги.

Оказавшись на мокрой от росы траве, Чилва упала без сил. Но спохватившись, вновь вскочила: надо осмотреть рану! Тяжелые от воды юбки неприятно липли к замерзшему телу. Жалкие остатки корсажа обнажали торс почти до пояса. Вздвогнув, она постаралась отогнать страшные воспоминания, снова и снова мелькавшие перед глазами: мешок на голове, мужские руки на теле... Сейчас важно выжить и попытаться спасти самое дорогое в жизни существо. Если конечно еще не поздно. От этого подонка Алодлора всего можно ожидать.

Сорвав остатки корсажа, женщина постаралась ощупать рану на спине. Содрогаясь от боли и страха, ощутила под левой лопаткой рваный порез, едва не достигающий до пояса. Но тут же с облегчением вздохнула. Рана оказалась

совсем неглубокой, хоть и неприятной. Сняв все нижние юбки и порвав их на широкие ленты, Чилва старательно обмотала торс, сделав сразу два дела: и рану перевязала, и грудь прикрыла. Холод воды сослужил хорошую службу, женщина почти не ощущала боли, лишь неприятное покалывание.

Чилва с трудом встала. В одной верхней юбке, без корсажа, с голыми плечами и животом, она почувствовала себя падшей женщиной. Но сейчас не до приличий. Что же милорд мог сделать с ребенком? Убить или сжечь мог бы и не уезжая, значит все гораздо сложнее. Единственное, что она слышала, когда надели на голову мешок, это как захватчики говорили про Волчий лес. Туда добровольно не сунулся бы ни один здравомыслящий человек, но милорд никогда не отличался здравым умом. Но даже Алодлор пешком в лес ни за что бы не пошел. Но куда он дел коня? Убил?

Чилва задумчиво брела вдоль реки, стараясь не обращать внимания на зарево пожара. Что бы не происходило в замке, самое страшное для молодой женщины уже приключилось здесь, на берегу Ори.

Внезапно споткнувшись, она упала и испуганно прижалась к земле, уткнувшись лицом в сырую ткань. Плащ источал терпкий запах мужского пота. Заскулив от ужаса, женщина приготовилась к смерти. Но тут услышала рваное дыхание. Жеребец Алодлора! Еще живой, но в очень плохом состоянии. Чилва огляделась и, убедившись в том, что милорда рядом нет, торопливо осмотрела коня, поскольку знала, что делать. Ее отец всю жизнь прослужил у хозяина на конюшне. Обтерев бока Колта сырой травой, женщина прикрыла его мокрым плащом милорда.

– Только выживи. Умоляю тебя, милый, – шептала она, поглаживая мощную шею Колта.

* * *

Алодлор изящно взбежал по сырой от росы каменной лесенке. Внизу остался ждать суровый воин. Его верный помощник раздавал подчиненным короткие, точно лай собаки, команды: «сеять панику, к колодцам не пускать...».

Алодлор лениво осмотрелся на площадке. Широкая, полукругом, с приступками для обороны и окруженная склизкими от постоянной влаги зубцами крепостной стены, только сюда могла выйти добыча. Уж его люди об этом позаботились. Осталось запастись терпением и немного подождать.

Внизу царила паника. Поднятые с постели посреди ночи страшным событием, полуодетые люди метались по всему двору. Но любые попытки объединить усилия и потушить пожар, тут же ловко прерывались быстрыми темными тенями. Алодлор с жесткой усмешкой наблюдал за суетой, но сердце его не было спокойно. Слишком долго длится ожидание. Он никогда себе не простит, если пострадает главное сокровище. То, чего возжелел больше власти. Хотя приятный дополнительный подарок в виде ломаной линии харцской короны его вполне устраивал. Все или ничего – девиз дураков. Алодлор предпочитал свой – все и сразу!

Башня, охваченная пламенем, трещала и стонала, как огромное унылое старое чудовище. Многочисленные глаза каменного монстра полыхали рваными кусками яркой материи и выпускали несметные слезы огненных брызг. Ненасытному огню уже полностью сдалась остроконечная маковка, и тот с жадностью забирался все выше в небо, стараясь затмить своим пылом начинающийся рассвет. Величественное и ужасное зрелище завораживало...

Спохватившись, мужчина поспешно разорвал на груди мокрую одежду в клочья и измазал лицо заранее припасенной сажей. И вовремя. Единственная дверь, ведущая с площадки в башню, распахнулась, выпуская клубы черного дыма. Из нее, пошатываясь и беспрестанно кашляя, почти выпал высокий худой человек. Некогда белоснежная и богато украшенная золотым шитьем и пуговицами из самоцветных камней рубаха была усеяна темными кляксами пепла и чуть переливалась в языках пламени. На брюках в районе бедра зияла большая дыра, открывая взору рваную рану. Сочащаяся темная кровь диким ручьем находила себе дорогу. Она то скрывалась в складках одежды, то выныривала, и стекала по щиколотке и босым ступням на холодные камни. Мужчина едва держался на ногах. Он шагнул вперед, но не удержался и рухнул на колени. При этом он всячески старался уберечь драгоценную ношу.

Красивая и очень бледная темноволосая женщина с огромными глазами цвета ночного неба испуганно цеплялась за шею своего спасителя длинными тонкими пальцами. Богато украшенное платье цвета индиго болталось на изящном теле женщины, было явно ей велико и не спадало только благодаря затейливому

золотому пояску, что обхватывал стройный стан под грудью.

– Дитя... – беспрестанно повторяла она. – Где мое дитя?

Алодлор поспешно метнулся к парочке, бережно перенимая желанную ношу у своего брата. Тот, едва откашливаясь, попытался встать с колен.

– Алор, – услышав обращение, милорд чуть скривился. Ему никогда не нравилось сокращенное имя, – Ты знаешь, что происходит? Пламя слишком быстро охватило башню! Это явный поджог! Где стража, куда все подевались? Я с трудом нашел выход, чтобы вынести Миген. Она еще очень слаба после родов. Ребенок! Что с ребенком? Где Чилва?!

– Дитя, – слабо прошептала на ухо милорду почти теряющая сознание Миген, – где мое дитя?

– Я видел, как Чилва спрыгнула со стены и попала в реку, – глухо и, стараясь не смотреть в полные слез темные глаза харцессы, проговорил Алодлор. – Я пытался спасти несчастную, но сам еле выплыл.

Миген слабо вскрикнула и вцепилась длинными ухоженными ногтями в остатки одежды брата харца. Тот, пошатываясь от усталости, замер и побледнел еще больше. Алодлор, насладившись горем родителя, продолжил, предварительно откашлявшись. По легенде он только что вышел из самой холодной речки в округе.

– Но ребенка при ней не было.

– Сориан! – в ужасе вскрикнула Миген и, вырвавшись из объятий Алодлора, метнулась в сторону клубов дыма, исторгаемых распахнутой дверью.

Но, едва сделав пару шагов, растеряла жалкие остатки сил и, покачнувшись, рухнула на камни. Братья бросились к бесчувственной женщине одновременно, но Алодлор оказался быстрее. Он бережно поднял с холодного пола легкое тело Миген и оглянулся на башню, призывая брата обратить внимание на то, что власть огня скоро завершит свое жаркое дело.

Этого уже и не потребовалось. Сориан откинул с бледного лица супруги темные пряди волос, чтобы поцеловать закрытые глаза, но Алодлор не удержался и отступил на шаг. Он не желал давать брату эту возможность. Теперь эта женщина только его! Спohватившись, он тут же шагнул обратно, поскольку не мог допустить срыва плана сейчас, когда все уже шло к концу. Харц не обратил на этот маневр особого внимания, решив, что тот просто покачнулся. Сориан серьезно посмотрел на брата:

– Алор... обещаю мне....

Тот чуть не взвыл от восторга. Попался! Давай, геройствуй, Тирия будет помнить тебя, добровольно пошедшего в огонь, чтобы уступить ему, Алодлору, все то, чего он так долго вожделел.

– Все, что угодно, – с трудом выдохнул Алодлор, стараясь скрыть свое ликование.

– Позаботься о ней, – харц сжал безвольную руку женщины и прильнул губами к белоснежной коже.

Закрыв глаза, он что-то неслышно прошептал и, боясь передумать, бросился в черный проем двери. Через секунду худощавую фигуру поглотили жадные клубы дыма. Башня стонала и трещала, как живое существо от боли, что причиняло ей жадное пламя своим неутолимым голодом. Кинув взгляд вниз на лестницу, Алодлор увидел два распростертых тела. Мирт, первый лорд при харце, смотрел в небо стеклянными глазами, откинув голову и открывая взору Алодлора кровавую улыбку от уха до уха. Лицо второго было сплошным месивом, раскроенное метким попаданием камня. Нерст, как всегда мрачный, стоял на страже спокойствия своего господина. Никто не пройдет наверх раньше, чем захочет новый харц! Верный помощник был готов на все, убивать воинов, женщин, детей... лишь бы только не оборачиваться на хозяина. Еще у стены он снова заметил серебристое мерцание вокруг головы Алодлора. Древние суеверия – это единственное, что могло напугать старого воина.

Паника и крики ужаса услаждали слух. Все больше и больше народа скапливалось на площади. Но уже никто не пытался тушить пожар. Люди завороженно смотрели на огромный факел, объявший главную башню. И вот случилось то, чего все со страхом ожидали. Раздался страшный треск и

огромный огненный купол, который некогда был красивейшей деревянной маковкой башни, провалился внутрь, выбрасывая в светлое небо снопы искр.

– Да примут тебя боги, брат, – усмехнулся Алодлор.

Он, как новый харц должен был отдать распоряжения. И первым был сухой кивок Нерсту. Пусть уберут трупы. Все следы должны быть тщательно уничтожены. А потом туда же исчезнут наемники, уж на Нерста можно было положиться. Никто не узнает о том, что на самом деле произошло. Виновных он найдет и накажет, и неважно в чем они будут виновны. Слово харца – закон.

Хвала богам, его новые владения почти не пострадали, план удался на славу. А башню Алодлор отстроит по своему вкусу.

– Сориан, – прошептала бесчувственная Миген.

Алодлор скривился. Как долго она будет помнить брата? Надо запастись терпением и он завоюет любовь северной красавицы.

– Тише, тише, – прошептал новый харц на ушко женщине, нежно целуя ее висок, – все будет хорошо...

* * *

Темноту леса искорками росы тронула вестница рассвета, – тишина, – лишь для того, чтобы увязнуть в нежной мягкости тумана. Вскоре запели, защебетали в ветвях могучих деревьев маленькие серые птички. Они призывали первые лучи солнца озарить эту землю, разогнать размытые тени, притаившиеся в кустах. Лес оживал, готовясь к новому дню, полному беззаботной радости, которая присуща всем его обитателям.

Маленький комочек на камне беспокойно ворочался. Он хотел есть. И ему было холодно. Но пока еще терпел, выражая недовольство лишь сопением и тихим попискиванием. Любопытная белка спрыгнула с дерева и быстро подбежала к камню, вытягивая вертячую головку. Но на камень вскочить не решилась. В следующее мгновение она чиркнула остроконечными ушками в сторону леса и метнулась обратно, в спасительную крону родного дерева.

Тихий шорох, едва отличимый от легкого ветерка, проснувшегося за миг до восхода, выдал чье-то приближение. Озаренный первыми лучами солнца, на поляну ступил волк. Но за волка его можно было принять только на первый взгляд. Слишком высокий, с излишне длинными конечностями и непропорциональным телом, он скорее напоминал рисунок, чем живого волка. Изображение, сотворенное человеком, который впервые увидел хищника и очень сильно испугался. В существе все было преувеличено. Узкие щели странных ярко-синих глаз сверкали красным зрачком. Седая полоса украшала длинную, мощную челюсть. Зверь подергивал носом и приподнимал верхнюю губу в немом рычании, не скрывая чудовищно-длинных и острых желтых зубов. Серая шерсть вздыблена клочьями, в которых серебрились нити первых лучиков рассвета.

Зверь немного постоял на границе поляны, будто сомневаясь, что делать дальше. Из приоткрытой пасти на мокрую траву мерно падали капли тягучей слюны. Потом мягко шагнул к камню, осторожно пригнув голову к земле. Дитя, словно почуяв рядом живое существо, решило высказать миру все, что накопилось за часы неподвижного пребывания в мокрых пленках на холодном камне. Громкий рев прокатился по лесу, вспугивая стайки птиц. Волк недовольно прижал уши и глухо зарычал, поскольку терпеть не мог резких звуков.

– Что, решил человечинки отведать? – ехидно осведомился высокий молодой человек в простых холщовых брюках.

Он стоял, прислонившись к мощному дубу шагах в десяти позади волка, скрестив руки на мощной обнаженной груди и постукивая по мокрой земле босой пяткой. Веселые искорки в зеленых глазах раздражали волка. Он фыркнул и потряс головой.

– Ну да, – подчеркнуто серьезно кивнул молодой человек, – от ребенка явно хотели избавиться, но это не повод нарушать традиции. Мы не вправе противиться воле богов. Потомок ли подкидыш рода шакти или это просто человеческий ребенок, он находится на алтаре, а значит, он под покровительством богов.

Зверь сел и озадаченно почесал задней лапой за ухом.

– В смысле? – удивился человек. – Ты уверен?

Волк обиженно отвернул морду. Ребенок, услышав человеческую речь, чуть притих, но лишь для того, чтобы собрать силы и ярче выразить взрослым свое недовольство.

Мужчина растерянно моргнул:

– Ух, голосина! Все правильно – женщина молчать не станет, не в ее природе... Впервые нам подкидывают девочку. Странно... когда избавляются от лишнего наследника, понятно. Но девчонка-то кому помешала?

Зверь обрадованно вскочил на лапы и завилял хвостом.

– Нет, это не значит, что ее можно съесть, – осадил его человек. Волк понурился и фыркнул. – Еще хвала Доросу, что в наши владения не смеют совать нос хищники, а то бы дитя давно растерзали волки.

Зверь мечтательно закатил глаза и облизнулся.

– Вообще странно, Врадес, – язвительно проронил человек, – ты известный любитель женщин! Я не знал, что у тебя к ним еще и гастрономический интерес. И вообще, хватит шкуру по кустам драть, возвращайся!

Волк, постоянно бурча, припал к земле, пошевелил задницей, принаравливаясь, и перепрыгнул через камень. В воздухе он умудрился перекувырнуться, как заправский циркач, и по ту сторону камня приземлился на две ноги уже не волк, а молодой мужчина. Он был так же высок, но еще более мускулист. Пепельные волосы собраны в хвост на затылке, оставляя свободной лишь седую прядь длинной челки. Ярко-синие глаза прожигали собеседника укором. На мужчине не было ничего.

– Да ладно тебе, – хмыкнул зеленоглазый. – Можно подумать, я тебя лишил единственной радости в жизни... или у тебя желудок разросся так, что заслонил собою совесть?

Он нагнулся, чтобы поднять с земли кусок холста, который бросил в руки собрата. Врадес недовольно сопя, натянул широкие брюки на длинные мускулистые ноги.

– Ну зачем тебе девка? – буркнул он. – Как будто в деревне их недостаток. Или решил свою вырастить?

– Брат, – печально покачал головой мужчина, как будто сокрушаясь, что ему приходится объяснять вещи, известные любому. – Закон придумали давно, до меня и до тебя, и не в наших правилах нарушать традиции предков...

– Да знаю, знаю, – недовольно поморщился Врадес. – Но Солдес, что мы с ней будем делать? Что может девчонка? И вообще, вдруг женщины не способны?..

– Кто знает, брат, – задумчиво покачал головой Солдес. – А вообще – это отличный способ узнать ответ на твой вопрос.

– Только уж очень хлопотный, – снова скривился синеглазый атлет под новую трель мокрого сверточка на камне.

* * *

Изящные пальцы мастерицы-Колины выпускают тонкие нити судеб, которые ложатся на землю затейливым рисунком и тут же попадают под бдительное око Водда. Холодный расчет Мороса режет сверкающую пряжу на куски. В действиях богов нет жестокости. Ведь даже безжалостная смерть соткана из паутины высшей любви. Слабые, ограниченные умы людей не в силах постичь замысел небес.

Древнюю, как мир, легенду легкой дымкой почтения окутывает людская молва. Серебристый туман суеверий сковывает сердца людей страхом. Что есть правда, а что вымысел? Только боги знают. Только боги видят. Только боги творят...

Сила богов скрыта непостижимыми тайнами в роду шакти. Именно этот род дарил миру великую Шактир – Солнечную волчицу. Повелительницу, устами которой говорили боги, руками которой боги творили свою волю, сердце которой принадлежало лишь небесам. Род продолжался. Мальчики становились великими воинами стаи и служили великой Шактир. А девочки продолжали старинный род, наполняя сосуд тела смирением воле небес. Из поколения в поколение появлялась новая Шактир. Маленькая девочка принимала из рук матери Сердце клана, дарующее силу богов.

Однако в мире стали появляться люди, наделенные собственной силою. В народе их прозвали «локки». Локки бережно хранили магию, столетиями накапливая колдовскую силу. Стараясь приблизиться к великой истине бытия, локки мечтали обрести силу, равную божественной.

Чтобы направить растущую мощь магии во благо миру, боги повелели Шактир брать в мужья мага из рода локки. Но только чистого духом, чье сердце не тронута ржавчиной власти. Именно на такого укажет ей Сердце клана. Шактир касалась алым камнем груди избранника, и он становился Лунным волком. Маг обретал имя Локк. А также особую силу, высший подарок богов – управлять умами людей...

Течение времени размывало следы, оставленные богами на камнях судьбы. Юная Шактир влюбилась. Маг, предначертанный ей богами, погиб от руки избранника восставшей волчицы. Но призрачное счастье рассеялось как дым сразу после торжественной передачи великого дара. Новый Локк, получив уникальные способности, показал свое настоящее лицо. Маги всегда жаждали власти: неограниченной, подавляющей. Такая и оказалась в руках Локка.

Земля застонала от страданий, умылась кровью покоренных, почернела от горечи слез. Шактир нашла утешение и защиту от мужа-тирана в объятиях воина из серой стаи. Хрупкий мир оказался под угрозой. Жестокая грызня воинов-волков и магов-локки раздирала землю. Локк преследовал потомков рода шакти, убивая их одну за другой. Маг искал Шактир. Движимый ненавистью и стремлением отомстить за предательство, он не останавливался ни перед чем...

* * *

Предрассветная тишина летнего леса завораживала. Кота знала и очень любила эту тишину. Скоро подует ветер, приветствуя рассвет. Только ветер. Птицы проснутся позже и наполнят лес трелями, воспевая первые лучики солнышка. Но до этого свою песню споет одинокий ветер, споет листьями деревьев и шелестом травы. Он так же одинок, как и Кота. И она каждый раз с замиранием сердца ждала эту удивительную мелодию. Девушка убегала в лес каждую ночь, пока еще все спали, чтобы насладиться своим единением с ветром, который стал ей родным существом. И чтобы потом сладко поспать до обеда, пока община выполняет свои занудные утренние ритуалы.

Солдес первое время ругался, но потом только тяжело вздыхал, глядя, как она выползает в полдень из палатки, зевая и потягиваясь. Но это ничего, гораздо труднее было не обращать внимания на презрительное снисхождение Врадеса. Брат явно относился к ней, как к низшему существу. И ничего, совсем ничего не способно было изменить такого отношения. Она изо всех сил старалась угодить, ежедневно молилась богам, безжалостно тренировала свое тело, отчаянно рвалась в бой... Но увы, Врадеса ничего не могло пронять. Он упорно не замечал успехов, но стоило только заплакать от боли или упасть, не выдержав веса оружия, как девушка получала лавину презрения и насмешек со стороны брата.

Кота знала причину. И даже пыталась ее устранить. Девушка задумчиво провела тонкими пальцами по шрамику на обнаженной груди. Это произошло, когда ей исполнилось десять лет. Она втайне мечтала, когда же у нее вырастет такая штука, как у братьев, но тело предало Коту и расти начало совсем в других местах! Этого она не смогла пережить. Грудь увеличивалась с каждым днем, на что Врадес непременно обращал всеобщее внимание.

Именно тогда Чилва, ее кормилица, притащила с базара, куда иногда ездила за продуктами, первое уродливое платье. Кота никогда не надевала ничего подобного. Она вообще предпочитала ничего не носить, разве что простые холщовые брюки, как все. А тут пришлось втиснуться в невероятно неудобную тряпку, которая висела мешком, скрывая тело и сковывая движения. Чилва убедила девочку, что грудь надо от всех скрывать, а для этого нужно носить платье. Кота было смирилась, но почти сразу же порвала платье в нескольких местах, пытаясь просто залезть на дерево. К тому же она неловко зацепилась подолом за ветку и, побарахтавшись в воздухе, рухнула вниз, расцарапав в кровь лицо и тело безжалостными ветками.

Потом долго сидела под деревом и плакала, размазывая по острому личику слезы и кровь. И тогда пришло решение. Простое и сложное одновременно. Она решительно направилась в свою нору. Надо все сделать до обеда, чтобы никто не смог помешать. Иногда, когда она просыпала полдень, Врадес приходил будить девочку. Заботой тут не пахло, брат с садистским удовольствием выкатывал ее из норы пинками, даже не потрудившись разбудить перед этим.

Запыхавшись, она влетела в нору и, ощупывая нишу в стене, отыскала острый нож. Дрожа от возбуждения, Кота плюхнулась на коленки и поднесла холодное лезвие к белой коже. Медленно, стараясь надавить сильнее, девушка провела ножом по правой груди. Вся решимость немедля улетучилась. Кота отдернула

нож и растерянно смотрела, как темные капли просачиваются из ранки и стекают вниз на остатки платья. Нож выпал из ослабевших рук, все вокруг стало растекаться цветными пятнами. Обморок. Как ненавидела Кота это состояние, оно доказывало ее женскую слабость. Откинувшись на спину, девушка глубоко дышала, стараясь подавить приступ дурноты.

Когда предметы вокруг вновь приобрели свои четкие линии, Кота поднялась и снова взялась за нож. Но уже не так решительно, как в первый раз. Она вдруг поняла, что не сможет причинить себе боль. Девушка сидела и упрямо сопела, пытаясь собраться с духом...

За этим занятием и застал ее Врадес. Сначала мужчина замер у порога, с изумлением разглядывая набычившуюся Коту. Потом резко рванулся вперед, выбивая окровавленный нож из рук девушки. Кота вскрикнула от боли и схватилась за запястье. Врадес, костеря девушку на чем свет стоит, потянул ее за ухо к деревянному ведерку с водой. Смыл кровь, перевязал рану и так же, за ухо, вытащил Коту из норы.

Чилва долго плакала, не понимая такого самоистязания. Остальные просто молчали, избегая смотреть в сторону притихшей девушки. Врадес же совсем перестал ее замечать. Он целый месяц после этого игнорировал Коту, глядел, как на пустое место. Эта пытка оказалась тяжелее, чем постоянные издевки и насмешки.

Кота тяжело вздохнула, вернувшись из тяжелых воспоминаний в действительность. Ветер уже трепал черные блестящие волосы, девушка пропустила волнительный момент его музыкального появления в тишине леса. Что ж, это четырнадцатая годовщина, горькие события остались в прошлом. Первые солнечные лучики пощекотали серый камень, который незыблемо стоял посередине небольшой полянки. Кота подошла к нему и нежно провела рукой по теплой и чуть влажной поверхности. Она всегда чувствовала необыкновенное спокойствие рядом с жертвенным камнем и не могла этого объяснить. Девушку все время тянуло сюда. Каждый раз приходила к нему: и жаловаться, и хвастаться, как к самому близкому существу на всем свете. Она доверяла камню такие тайны, которые не смела открыть и Чилве.

Вот и сейчас тоненькая девушка в мятых холщовых брюках свернулась на камне калачиком и сразу же ощутила себя защищенной, словно в теплых объятиях родного человека, самого близкого, самого сильного. Она была в полной

безопасности, спокойна и безмятежна. Ветер пел тихую колыбельную, мягкие очертания деревьев и кустов заботливо заслоняли от яркого утреннего солнышка. Кота с удовольствием погрузилась в мирные, сладкие сны, полные исполненных желаний и сбывшихся надежд.

* * *

– Ну конечно, – хмыкнул Врадес, выходя на залитую полуденным солнышком полянку. – Что же ей еще делать? Как всегда спит.

– Молодой организм, пусть сил набирается, – хихикнул Ковес, задорно потрянув рыжими кудряшками. Глаза его, светло-серого цвета, искрились весельем. Парень явно получал удовольствие от всего происходящего. – И вообще, тебе не угодишь. Девчонка болтает – надо заткнуть, бегают – надо осадить, спит – надо разбудить. Хоть какое-то состояние тебя устроит?

– Устроит, – хищно осклабился Врадес.

– Но не устроит других, – тихо сказал Солдес, неслышно возникая из леса за фигурами братьев. Он всучил Врадесу в руки небольшой сверток, подобный достался и Ковесу. Спокойно добавил: – Все так, как и должно быть. Приступим.

Следом за высоким зеленоглазым мужчиной из леса выступили еще четыре воина. Все полностью обнажены, у каждого в руках небольшой сверток. Здесь были почти все жители небольшого поселения, исключая лишь Чилву. Мужчины с серьезным видом подошли к серому камню с мирно сопящей на нем девушкой. Кота не просыпалась. Но даже будь сон не столь крепок, она вряд ли услышала бы неслышную поступь братьев.

Мужчины обступили камень. Даже на мрачной физиономии Врадеса было непривычно торжественное выражение. Ковес первым развернул ткань и достал серого зайца, едва живого от страха.

– Тебе первая жертва, о могущественный Водд! – произнес рыжий глубоким гортанным голосом, присев на одно колено перед камнем. Зайца парень прижал к земле и пронзил голову острым кинжалом. – Жизнь существа.

– Тебе вторая жертва, о великий Дорос[2 - Дорос – бог войны, покровитель воинов]! – мягким баритоном вторил брату Солдес, тоже припав на одно колено и доставая из свертка великолепный клинок, украшенный сверкающими камнями. – Орудие воина.

– Тебе третья жертва, о великолепная Колина[3 - Колина – богиня красоты, любви, страсти, деторождения.]! – отрывисто проговорил Врадес. На землю легли обрывки разноцветных тканей. – Зачатие новой жизни.

– Тебе четвертая жертва, о сладкоголосый Морос[4 - Морос – бог иллюзий, снов, смерти, магии.]! – почти пропел Кродос, высокий улыбчивый парень с русыми волосами и голубыми глазами. Улыбка его была немного устрашающей, так как через всю щеку, до самого рассеченного уха, проходил косой шрам. Он изящно опустил на землю и выложил корешки растения алги, что дают чудные видения при вдыхании дыма, но слабому могут дать последний сон. – Несущие смерть.

– Тебе пятая жертва, о мудрая Трона[5 - Трона – богиня мудрости, покровительница мудрецов, ученичества.]! – вторил ему брат Уварос. Смуглый парнишка со светлыми, слегка вьющимися по плечам, волосами и хитрым прищуром очень светлых, словно выцветших, глаз опустил на колено и положил на землю старый пожелтевший свиток. – Древние знания.

– Тебе шестая жертва, о справедливый Бошос[6 - Бошос – бог возмездия, справедливости, суда.]! – почти прорычал Ломлес, суровый мужчина, явно старше всех остальных, доставая из свертка окровавленный кусок мяса. – Сердце врага!

– Тебе седьмая жертва, о животворящая Велера[7 - Велера – богиня природы, стихий: воды, воздуха, земли и огня.], – бесстрастно промолвил всегда исключительно спокойный Авес, бледный юноша с густыми ресницами и отрешенным взглядом. На землю он осторожно поставил блюдо с ягодами и грибами.

Мужчины немного отступили назад и взялись за руки. Вместе, как по команде, тихо запели молитву на древнем языке. Вибрирующий гул заклинания проникал в землю и вызывал ответную реакцию. Земля едва ощутимо задрожала. Камень богов трясся все более значительно. Но Кота не просыпалась. Девушка

перевернулась на спину, раскинув руки и ноги почти точно на четыре стороны, дыхание ее стало прерывистым, тело беспокойно подергивалось.

Молитва завершена. Внезапная тишина только подчеркнула гул, идущий из недр земли. Казалось, что даже звери и птицы замерли, стараясь никак не выдать своего присутствия в лесу. Гул прекратился резко, как и начался. Некоторое время ничего не происходило, но мужчины не опускали рук, ожидая чего-то.

Неожиданно вспыхнул ярким пламенем древний свиток, Уварос слегка вздрогнул. Братья переглянулись. Такое уже было. Вторым вспыхнул дар Бошосу. Врадес изумленно и немного неодобрительно покачал головой. Третий загоревшийся дар – тряпки у ног Врадеса. Мужчина криво усмехнулся, это он предполагал с самого начала, что еще можно ждать от женщины? Пламя мгновенно охватило все остальные дары, ибо только первые три намекают на предназначение нового воина. Огонь, сжигая подношения, плотным кольцом окружил жертвенный камень.

Солдес прыгнул первым. В воздухе мужчина перекувырнулся через голову, а с другой стороны камня богов приземлился мощный серый волк с зелеными глазами. Он оскалится и тихо зарычал. Вторым прыгнул Врадес, потом Ковес... Один за другим мужчины оборачивались в странного вида волков. От обычных, лесных, их отличало чересчур мощное сложение, более широкая грудь и устрашающие пасти. Тела воинов были в два раза крупнее волчьих, глаза отливали краснотой даже днем.

Волки вновь обступили камень, расположившись правильным кругом. Вскоре пламя потихоньку погасло, оставив после себя едва заметный налет пепла на земле. Девушка лежала, не подавая признаков жизни. Лицо чуть посинело. Даже самый чуткий взгляд не улавливал ни единого движения тела. Черные волосы слегка опалены пламенем. В воздухе распространился тошнотворный запах.

Один из волков, – с большими ушами, одно из которых было когда-то рассечено, а шрам доходил почти до носа, – разорвал круг и тихонько подошел к Коте. Он понюхал лицо и потыкался в руку, будто верный пес. Тонкая кисть безжизненно повисла. Волк обернулся и вопросительно посмотрел на товарищей. Серый волк, сверкая серебристой сединой, тяжело поднялся и потрусил в лес. Остальные посеменили за ним, выстраиваясь гуськом. Большеухий еще раз ткнулся влажным носом в личико девушки. Голова Коты чуть качнулась, но приняла прежнее положение. Не дождавшись реакции, волк последовал за братьями,

грустно опустив голову к земле. Ритуал завершен и теперь все в руках богов, чьи тайны не терпят глаз смертных...

* * *

Как болит голова. Кота потянулась всем телом и сразу застонала. Мышцы ныли так, словно вчера она три часа кряду упражнялась на мечах с вредным Врадесом. Непонятно, почему тело так реагирует. Девушка сладко зевнула и неожиданно для себя громко клацнула зубами. Тихо рассмеявшись, осторожно приоткрыла глаз, опасаясь яркого солнышка. Но лес мерцал полноточной тьмой. Девушка недоверчиво зажмурилась и снова открыла глаза. Темные листья деревьев отбрасывали продолговатые постоянно меняющие форму тени, но от луны, что ярко сияла в абсолютно чистом искрящемся звездами небе.

Так вот в чем дело! Ее угораздило проспять до самой ночи. Теперь понятно, почему тело выговаривало болью за неумелое использование. Проспать весь день на жестком камне, до этого еще надо было додуматься!

Но почему ее никто не искал? Даже Врадес не любопытствовал, почему Кота не явилась на обед, и лишил себя удовольствия пинать сестру от жертвенной поляны до самого поселения? Право, не верится... Или всем наплевать, где она, что с ней? Это больше похоже на правду. При всей внешней заботе, девушкой мало кто интересовался. Захотела участвовать в тренировках – пожалуйста, захотела на охоту – пошли. Но никто никогда ничего не предлагал. Вклинилась в их мужскую компанию, и воины просто терпят. Но не более. А сама девчонка никому не нужна.

Слезы наполнили глаза, размывая очертания леса. Кота сжала зубы и помотала головой. Ну и что? Увы, невозможно исправить то, что она – не парень! Так что придется жить с этим. Но обида росла, вырываясь из груди почти волчьим воем. Это звучало так ужасно, что Кота сама испугалась и поспешно замолчала.

Надо возвращаться, все равно ведь некуда больше идти. Девушка соскользнула вниз и плюхнулась на четвереньки. Усмехнувшись, попыталась встать на ноги... и снова упала.

«Что такое? – удивилась Кота. – Я столько проспала, что совсем ослабла?»

Снова попыталась встать на ноги, и это ей почти удалось, но что-то не давало сделать шаг. Девушка опять упала на четвереньки. Эх, мешает что-то хвосту. Не отдавая отчета в своих действиях, девушка извернулась и зубами стянула холщовые брюки. Освободив хвост, облегченно вздохнула и попыталась снова встать...

Хвост?! Кота замерла. Она не смела дальше развивать эту мысль, настолько та показалась чудовищной. Но, едва справившись с собой, девушка все же медленно повернула голову и посмотрела назад.

Да, хвост. Приличный такой, ничуть не ободранный, а вполне себе пушистый с блестящей шестью. Хвост, как будто услышав комплимент, чуть качнулся. Это было слишком. Кота почувствовала дурноту и, как подкошенная, рухнула в траву.

– В первый раз вижу волка, грохнувшегося в обморок, – хихикнул кто-то над головой.

Чуть шевельнув ухом, девушка расслышала мелкую поступь маленького зверька. Белка тем временем обежала вокруг небольшого изящного волка, лежавшего в траве, и встала перед глазами Коты:

– Прямо как глупые людишки!

Кота зажмурилась.

– Ну вот, еще и слуховые галлюцинации, – пожаловалась она неизвестно кому.

– Сама ты, галукация! – возмутилась белка. – То воет – зверье пугает, то валится...

– Может, я специально! – разозлилась Кота. – Добычу приманиваю. Вот ты и попалась!

– Ага, – съехидничала белка. – Ты что, волчара, по деревьям лазать научился? Ты и пасть разинуть не успеешь, как меня и след простынет...

– Значит, я – волк, – грустно подытожила Кота, больше не обращая внимания на белку. – Замечательно, сейчас вернусь к братьям. Они волков любят – жареных!

Она тяжело вздохнула, поднялась и потрусила в лес. Но остановилась и, немного подумав, обернулась к назойливой белке:

– Слышь, мелочь, а как мы разговариваем? Не по-человечески же?

– Крупняк нашелся, – фыркнула белка, но потом посмотрела на волка жалостливо так. – Может, тебя шишкой по голове шибануло? Ну так не переживай, у моего братца точно такое же было, но прошло. Теперь он только иногда дергается.

И улизнула в темноту ближайшего дерева.

Кота помотала головой, но это не помогло. Мысли расползались в стороны, как гнилые нити старой тряпки.

Тогда она просто побежала. Бежать было приятно, никакого дискомфорта при движении на четырех конечностях Кота не испытывала. Наоборот, сплошная гармония и удовольствие. Она тенью скользила сквозь кусты и ветки, не выбирая дороги. Это для неуклюжих людей нужны дороги, тропинки. Волк всегда знает, где находится, поскольку просто не способен заблудиться, и ему не нужны указатели. Свободен... по-настоящему. Кажется, Коте начинало нравиться быть волком.

Лапы сами принесли к родному жилью. Она долго топталась на месте, потом ходила вокруг землянок, пугая мелкую живность. Кроме наглой белки, с Котой никто больше разговаривать не желал. Но девушка новым чутким слухом улавливала обрывки кратких ночных разговоров лесного зверья.

От жилищ братьев пахло кострищем, едой и чем-то неуловимо-знакомым, родным... Кота с трудом подавила желание вновь завывать.

Из ближайшей землянки вышел мужчина, вскоре за ним показался второй. Кота припала к земле, стараясь ни полужвуком не выдать свое местоположение. У братьев всегда было почти звериное чутье.

– Так и нет вестей, – вздохнул один.

Кота чуть не вскрикнула от радости. Это Солдес! Они все-таки искали ее. Но трудно найти молодую девушку в тощем волке.

– И не будет, – уверенно промолвил другой. Кота узнала мрачно-саркастичные нотки Врадеса. – Девка же, не воин...

– Не знаю, брат, – решительно покачал головой Солдес. – Ну, какая разница, девка, парень... Обряд совершен, жертва принесена и благосклонно принята. Сам же все видел!

– Видел, – согласился Врадес. – Но это ничего не значит. Может девичье тело не способно к трансформации, может, не выдержало переворота... да мало ли чего. Мы же не знаем последствия обряда для девушки. Волчицы были лишь в роду шакти.

Кота растерянно слушала, пытаясь сопоставить обрывки фраз с фактами и недавними событиями. Обряд? Жертва? Может, ее спящую принесли в жертву? Но почему она не умерла, а просто стала волком? Перемещение души? Все смешалось в головке бедной девушки.

– Кстати, Колина благоволит к вам обоим! – Солдес едко усмехнулся и хлопнул по плечу мрачного, как туча, брата. – Соперничать будете?

– Какое тут может быть... – недовольно засопел Врадес. – Просто баба, она и в лесу баба! У них все мысли только об удовольствиях! Я другого и не ожидал.

– А я не ожидал вмешательства Троны и Бошоса, – погрузнел Солдес. – Это весьма настораживает. Да еще в таком же порядке, как и у...

– Может, и беспокоиться не о чем, – мотнул головой Врадес. – Мы не знаем, выжила ли Кота.

Девушка вздрогнула. Врадес впервые назвал имя сестры. Не «та самая», не «эй, ты», и даже не «девка», а «Кота»! Слезы опять навернулись на глаза. Одна мокрая пакость уже прокладывала себе путь сквозь густую шерсть, щекоча

кожу. Инстинктивно Кота почесала морду задней лапой. Предательски хрустнула сухая ветка. Мужчины насторожились. Кота испуганно прижалась к земле, стараясь слиться с ней в единое целое. А братья уже ощерились мечами и, переглянувшись, стали потихоньку прокрадываться в ее сторону.

Глава 2

Кота зажмурилась от ужаса и начала медленно отползать под прикрытие густого ковра прошлогодней листвы. Ну все – убьют собственные братья! Как же дать знак, кто она? Ага, поверят волку! Да что толку – она и слова произнести не может.

– Бу! – раздалось над левым ухом.

Девушка взвизгнула от ужаса и метнулась вперед, не разбирая дороги. В три прыжка достигла полянки, где обычно разводили костер. Еще два – и она в своей землянке. Кота забилась под деревянный стол, все тело сотрясала крупная дрожь. В голове не пробежало ни единой мысли. В просвете двери появилась тень. Ужас сковал тело.

– Ладно, девочка, вылазь! – смеясь, крикнул Солдес. И добавил, оглянувшись: – Ты прав, Врадес, это она! Ну зачем было так пугать-то?

– Нет, – пискнув, Кота забралась глубже под стол. – Это не я!

– Ну что ты такое говоришь, – мягко усмехнулся Солдес. – А кто же – твой дух?

– Ты меня понимаешь? – замерев, уточнила Кота. – Ты что, знаешь звериный язык?

Солдес неудержимо расхохотался, тяжело облачиваясь на дверной проем.

– Ох, Кота, – только и сказал он, отерев кулаком выступившие слезы.

– Ну что она там? – нетерпеливо пробурчал Врадес, заглядывая внутрь. – Сколько можно ждать? Или их высочество волшебного пинка ожидает?

– Нет-нет, – торопливо проговорила Кота, путаясь в лапах. Хвост так сильно жался к животу, что волчица еле могла идти. – Я уже выхожу!

– То-то, – иронично улыбнулся Врадес, оттягивая от порога все еще хихикающего брата.

Кота глубоко вдохнула и трусливо посеменила к выходу. Виновато сворачивая морду на бок и еще отчаяннее прижимая хвост к животу, вышла из укрытия дома. Лапы дрожали и постоянно подгибались от слабости. Волчица бешено косила глазом в сторону почти затухшего костра.

– Вы меня точно есть не будете? – пролаяла она.

Братья переглянулись и рассмеялись.

– Не сегодня, – хрюкнул от смеха Солдес.

– Сначала жирку нагоним, – поддакнул Врадес.

– Ну вас, – обиделась Кота, но ноги дрожать перестали.

Потом немного подумала и осторожно уточнила:

– Что со мной?

Мужчины сразу стали серьезными, словно веселый хохот Коте лишь слышался. Солдес решительно вздохнул и махнул рукой.

– Пойдем, – и быстро зашагал в сторону полянки.

Молодая волчица несмело потрусила следом, постоянно ощущая позади прерывистое дыхание Врадеса. Он что – следит, чтобы не сбежала? Хвост снова опустился между лап и трусливо прижался к животу. Это движение не укрылось

от взора Врадеса, но он только многозначительно хмыкнул.

Солдес остановился около жертвенного камня. Как оживший исполин в свете яркой луны, камень, казалось, дышал. Мужчина положил ладонь на его шершавый бок и заговорил:

– Мы вернулись через час, но на камне уже никого не было. Обычно, когда мы возвращаемся, то принимаем в стаю нового волка... С тобой все иначе, но это и неудивительно – ты иная. Куда пропала? Что произошло?

Кота потрясенно молчала. Стая? Немного помедлив, Солдес вскинул лицо к луне и как можно мягче произнес:

– В день совершеннолетия воин принимает от богов великий дар! И по признакам покровительства можно попытаться угадать, каким будет испытание...

– Испытание? – дрожащим голосом спросила Кота. Все, что говорил сейчас брат, было слишком туманным, загадочным, нереальным. Но испытание – это всегда понятно. Это то, ради чего они живут. То, что дает возможность развиваться. То, что требуют от смертных боги.

– Неизвестно, что предстоит именно тебе, милая, – успокаивающе улыбнулся Солдес, решив, что девочка испугалась. – Но могу сказать одно. Боги не дают испытаний, которые нам не по зубам. Лишь твой страх и неуверенность в себе могут помешать пройти его. И если в твоей жизни происходит что-то, что, как тебе кажется, способно тебя сломать... или даже убить, вспомни мои слова. Это важно. А теперь – смотри!

Солдес махнул рукой. Врадес поморщился, но подошел к камню, развязывая веревку холщовых брюк. Грубая ткань соскользнула с мускулистых ног. Переступив через тряпку, Врадес сделал еще шаг к камню и с наслаждением потянулся.

Кота невольно залюбовалась атлетическим телом брата. Ничего лишнего, гладкая кожа ловит свет луны, подчеркивая переливы натренированных мышц хищника. Неожиданно Врадес бросился вперед и, совершив над камнем умопомрачительный кульбит, приземлился с той стороны на четыре лапы серого

зверя. Кота судорожно сжала челюсти и озадаченно села на задницу.

Солдес кивнул и Врадес, снова поразив Коту акробатическим прыжком, приземлился с этой стороны камня человеком. Не очень, правда, удачно приземлился, на одно колено. Скрипнув зубами, он встал, с мрачным видом натянул брюки и отошел в сторону. Там отвернулся, скрестив руки, и пробурчал под нос:

– Учить всяких щенков... На что трачу время!

– Но, Солдес, – умоляюще заскулила Кота. – Ты же не думаешь, что я так смогу? Это... это... просто невозможно! Навернись черепушкой о камень и поминай, как звали...

– Да ты сначала попробуй, – брат хитро сверкнул зелеными глазами. – Это не так страшно, как кажется со стороны. И даже, возможно, ты прыгнешь гораздо удачнее Врадеса.

Мужчина вздрогнул, словно от удара, и забурчал что-то еще мрачнее.

Кота сглотнула и, зажмурившись, бросилась к камню. Но не рассчитала скорости и со всего размаху врезалась лбом. В голове зазвенело, волчица трянула ушами и заплетающейся походкой направилась в сторону. Солдес перехватил сестру за загривок и потянул обратно, приговаривая с усмешкой:

– Теперь то же самое, только с открытыми глазами. Ну?..

Стараясь не обращать внимания на гулкий звон в голове и на ухмыляющуюся физиономию Врадеса, Кота медленно поплелась к жертвенному камню. Вздохнув, легонько подпрыгнула... и неожиданно для самой себя перевернулась через голову. Колотя ногами по воздуху и вопя что есть мочи, нагая девочка летела к земле.

Шмяк. Кота слабо приподнялась и очумелым взором обвела полянку, как будто не замечая обрадованных братьев.

– Ну вот, – радостно хлопнул в ладоши Солдес. – А то «смогу – не смогу». А теперь давай обратно. И ты, Врадес, тоже.

С лица синеглазого мужчины мгновенно сползла радостная полуулыбочка, загадочным образом посетившая этого угрюмого человека.

– А чего я? – возмутился он. – Ты и так мне на шею посадил эту соплячку, так еще и...

– Ой, не надо, – поморщившись, перебил Солдес. – Кто-то постоянно требовал, чтобы ему, наконец, дали щенка на воспитание. Вот и получай. В следующий раз подумаешь, прежде чем что-то просить. Желания, знаешь ли, имеют обыкновение исполняться!

Кота, сжавшись в жалкий комочек, расширившимися глазами смотрела на перебранку.

Зло зыркнув на нее холодным синим взглядом, Врадес перевернулся в волка.

– Ну что, щенок, давай скорее. Раньше начнем, раньше закончим.

– Ну вот и славненько, – подытожил Солдес. Лицо его вновь приняло безмятежное выражение, словно неприязнь Коте только показалась.

Он развернулся и быстро пошагал в сторону поселения, а Врадес посеменил в другую сторону, не дожидаясь Коту. И даже ни разу не оглянулся убедиться – идет ли она за ним. Но девушка и не рассчитывала на такую щедрость, она слишком хорошо знала брата. Поэтому, не мешкая, лишь немного дрожа, Кота подпрыгнула над камнем, стараясь повторить недавний кульбит. Получилось, только больно было приземляться. Волки не зайцы и не кошки, их лапы не созданы для того, чтобы так прыгать. Но другим, судя по всему, это неудобств не доставляло. Так что, скорее всего, неудобство – лишь личное убеждение Коты.

Она бежала следом за синеглазым волком и неожиданно отметила в себе все возрастающее ощущение могущества. Все вокруг услужливо подчинялось. Она знала, о чем поет прижимающийся к земле ветер, о чем шепчут различные

запахи. Чувала, что творится на километры вокруг. Врадес уже не был тем мрачным и саркастичным человеком, которого она всегда знала. Сейчас он был просто старшим, который давал четкие и конкретные задания. Вместе они загоняли добычу. Кота впервые пробовала кровь. Новые ощущения, новые знания заполняли волчицу, как живительные капли влаги засохшее растение. Ночь казалась бесконечным наслаждением. Все тело сладко пело при беге, таком быстром, что кусты сливались в одну зеленую полосу.

Рано или поздно все заканчивается. Кота усталая, но очень довольная, почти вальяжно перевернулась над камнем. Развалившись на сырой от утренней росы траве, сладостно протянула:

– А почему я раньше не знала обо всем этом? Как вы умудрялись скрывать такое?

И тут же получила по лицу. Метким броском Врадес «предложил» девушке одеть штаны. Ничуть не обидевшись, – сейчас Кота готова была простить брату и большее, – она весело натянула холщовые брюки. И снова вопросительно уставилась на Врадеса.

– Дрыхнуть надо меньше, – неожиданно добродушно усмехнулся синеглазый атлет. – Мы всегда уходим на рассвете. К обеду стоя возвращаются, а ты в это время только соизволишь левый глаз приоткрыть...

– И что, теперь нужно вставать на рассвете? – ужаснулась Кота. – Каждый день?!

– Ага, – хитро сощурился Врадес и, насладившись страдальческим видом сестры, развернулся. Насвистывая веселую мелодию, быстро направился в поселок.

– Конец котенку, – мрачно подытожила Кота. – Точнее, щенку...

Теперь жизнь протекала крайне энергично. Кота вставала на рассвете, вприпрыжку бежала за нетерпеливыми братьями. Вместе с ними носилась по лесам, обучаясь жизни зверя. После охоты без сил валялась у костра, с отвращением глядя на то, как братья с аппетитом уничтожают добычу. Она так уставала, что была не в силах проглотить и кусочка. Потом бесстрастный Врадес брал сестру за шкуру и тащил на поляну для тренировок. И если раньше она дралась только когда хотела, то теперь ее натаскивали так, точно девушка должна была вскоре сразаться одна против вооруженной толпы. Вечером, едва

пожевав что-то, просто падала на подстилку... чтобы проваляться всю ночь, ожидая прихода изменчивого сна.

И немудрено. Ведь Кота столько лет бодрствовала ночами, отсыпаясь днем. Тело, привыкшее к иному режиму, перемены не одобряло. Впрочем, мучительная бессонница продолжалась недолго. Девушка снова стала по ночам убегать в лес. Правда, теперь она носилась по кустам в образе волчицы. И это доставляло еще больше удовольствия. Одна, без вездесущих братьев, бесконечных заданий и проверок.

Кота сильно похудела и одновременно окрепла. Никто со стороны не смог бы и предположить, что это субтильное существо, больше похожее на эльфа из сказки, не моргнув глазом, уложит за раз трех вооруженных воинов. Пришлось научиться высыпаться, ловя спокойные минуты в течение дня или ночи. Под утро она уже не уходила в поселок, а просто ждала охоты в кустах. И дремала, восстанавливая силы после ночного забега.

В одно такое погожее утро Кота услышала голоса братьев. Не спеша выходить, она попыталась ухватить за хвостик ускользающий сон. Что-то такое бесконечно приятное было в видении, очень не хотелось отпускать его. К тому же, на полянку пришла не вся стая. Только Солдес и Врадес уселись под деревом и, дожидались остальных, тихо разговаривали.

– Она очень быстро учится, – обвиняющим тоном проронил Врадес. – Я никогда такого не видел.

Неуемное любопытство в момент спугнуло все остатки мягкого тумана сновидений, окутывающего голову девушки. Кота тихонько приподнялась, прислушиваясь.

– Не вижу в этом ничего плохого, – мягко возразил улыбающийся Солдес. – Насколько я помню, ты тоже использовал любую возможность, чтобы потренироваться.

– Да, – Врадес с неприязнью скорчился, словно слова доставляли физическую боль. – Но даже я не постигал все настолько быстро.

– И это тебя задевает, – тихо рассмеялся зеленоглазый красавец. – Девчонка быстро обскакала наставника, ты и злишься.

Врадес молча засопел, лишь раздраженно тряхнув седой челкой.

– Да ладно тебе, брат, – примирительно сказал Солдес. – Кота вообще необычна. И еще неизвестно, что эта прорва вытворит на своем первом испытании.

– В том и дело, – хмуро буркнул Врадес, сверкая синими глазами. – А вдруг, не вытворит?

– А, – с грустью улыбнулся Солдес. – Ты вспомнил свое испытание. Врадес, столько времени прошло, а ты все казнишь себя...

– Вина моя, – вспыхнул брат. – И наказание мое!

– Иногда обстоятельства выше нас, – Солдес успокаивающе похлопал того по спине. Врадес нервно передернул плечами. Зеленоглазый нахмурился и продолжил: – Ты не должен себя винить. Да даже если и так – вина не только твоя.

– Но она поплатилась за нас обоих! – с болью в голосе простонал Врадес. – А я жив, даже не пострадал.

– Мы вообще очень живучи, – рассеянно улыбнулся Солдес. И, хлопнув ладонью по земле, резво вскочил. – Совсем не обязательно, что Кота повторит твою неудачу, Врадес. И хватит ассоциировать бедную девочку со своим проваленным испытанием. Ты и ее запугал до смерти, и себя только измучил.

– Она излишне рассеянна и самонадеянна, – упрямо возразил Врадес.

– Ага, – хитро сощурил зеленые глаза Солдес. – Прямо вся в тебя!

У Врадеса перехватило дыхание от такого заявления. Он хватал ртом воздух, но не нашелся, что сказать, и отвесил тумака. Солдес тут же ответил. Братья сцепились и, хохоча, покатались по земле. Вскоре высокий Солдес вывернулся из цепких объятий синеглазого атлета, прыгнул через камень и серый волк

бросился в чащу леса. Врадес тоже сиганул через камень, и седой волк исчез следом.

Кота ползком вылезла из колючих кустов. Озадаченно почесав лапой за ухом, она посмотрела вслед волкам:

– Что же за испытание такое?

– Кота! – веселый окрик кудрявого Ковеса заставил волчицу подскочить от неожиданности. – Ну, где ты пропадаешь? Мы тебя везде ищем, противная девчонка!

Кота радостно завиляла хвостом. Ковес был настолько светлой личностью, что мог парой слов исправить самое ужасное настроение.

– Вас жду, – хихикнула она. – Вы что, все разом проспали?

Она решила не упоминать, что видела братьев. Так, на всякий случай. Врадес не простит никогда, если узнает, что она подслушала разговор.

– Да ты что, алги объелась? – удивился Ковес, потрянув рыжей головой. – Мы же сегодня в город собрались – на праздник урожая!

– Ой, – Кота удивленно прижала уши. Она так ждала эту вылазку в город, а сама совсем забыла о предстоящем кусочке свободы.

Город был чем-то нереальным, знакомым лишь со слов других. Чилва иногда ездила туда, да и то ей каждый раз приходилось упрашивать Солдеса. Он очень не любил, когда женщина начинала щебетать про горожан, про нравы обычных людей, считая все эти разговоры досужими сплетнями.

Вожак рассказывал, что когда-то позволил молодой женщине остаться при стае. Солдес был вынужден это сделать, так как Чилва несколько дней бродила вокруг жертвенного камня. Еле живая от отчаяния и скорби, она разыскивала новорожденную девочку. Коту уже приняли в стаю и по традициям вернуть воин ее не смог бы. А Чилва готова была умереть, но уйти не соглашалась. Солдес взял с женщины клятву молчать о тайной жизни воинов. С тех пор Чилва живет в

небольшой палатке, готовит еду... и не имеет права вмешиваться в дела стаи и в воспитание Коты.

И, сохраняя верность клятве, про замок харца она тоже ничего не рассказывала, несмотря на неумное любопытство Коты. Врадес, который был наставником девушки, на вопросы только морщился и отвечал, что люди недостойны внимания стаи... если не платят. Что это значит, Кота не понимала, но уточнить боялась. Врадес презирал людей, несмотря на то, что всегда с удовольствием ходил на лесные свидания с деревенскими девушками.

– Вот тебе и «ой», – подмигнул Ковес. – Но раз ты не хочешь, мы решили не брать тебя. Останешься дома на пару с Врадесом.

– Нет-нет, – испуганно затараторила Кота. – Я с вами! Э... а Солдес пойдет?

Девушка осторожно поднялась, стараясь, чтобы юноша не заметил дрожи в лапах.

– Солдес по делам уходит, – неожиданно погрузнел Ковес. – Дней на двадцать. Ну ладно, давай скорее... Только учти, если пойдешь в таком виде, всех женихов распугаешь почем зря!

Кота встала как вкопанная. Она же совсем забыла перевернуться. Вот хороша! Так стало комфортно в волчьем теле, что забыла изначальное состояние.

Пока девушка прыгала, Ковес успел исчезнуть. Наверняка уже в поселке – переодевается. Она недовольно поморщилась. Единственное, что сейчас отравляло жизнь – необходимость заматывать тощее тельце в целый ворох тряпок, которые с несказанной радостью купила для нее кормилица.

В поселке бурлила жизнь. Мужчины, хохоча и подтрунивая друг над другом, облачались в странные одежды. Причем, делали это с завидным проворством. Им явно это было не впервой. Многочисленные застежки с радостью подчинялись ловким пальцам Ломлеса. На нем уже красовался изящно расшитый золотом камзол, ворот сиял белизной чистойшей рубашки. Мускулистые ноги обтягивали блестящие штаны, заправленные в высокие золоченые сапоги. Кота впервые видела сурового воина в подобной петушиной одежде и приснула в кулачок, чем заслужила снисходительный взгляд.

А вот Уваросу наука облачения никак не давалась, и это спровоцировало в его адрес море насмешек. В очередной раз запутавшись в штанинах, парень рухнул на землю. Густые светлые волосы закрыли злую гримасу. Кота тяжело вздохнула, посочувствовав брату, справедливо полагая, что сейчас будет выглядеть не лучше, и с опаской подошла к аккуратно сложенной стопке разноцветных одежд. Покопавшись в тряпье, выбрала длинную полупрозрачную рубаху. Это она знает, как одевать. Примерно такой балахон она разодрала на дереве. Расправив мягкую ткань по телу, девушка пятерней причесала черные волосы и объявила:

– Ну все, я готова. Пошли!

Чем вызвала дикий гогот. Не понимая, в чем дело, Кота оглядела себя:

– Что? Задом наперед одела?

– Нет, девочка, – утирая слезы, простонал Кродос. – Просто, появишься ты в таком виде на площади, нам придется вступить в войну, которая несомненно развяжется!

– Да, мы будем защищать тебя до последнего вздоха, – весело поддакнул Ковес.

– Я что, так плохо выгляжу? – расстроилась девушка.

– Да нет, – поперхнулся Кродос, щеки его немного порозовели. – Совсем даже наоборот. Вот только, боюсь, желающих повосхищаться столь неземной красотой будет слишком много.

– Ой, что ты! – воскликнула Чилва, уронив медный таз с водой. Кормилица только что вышла из палатки Солдеса и поспешила к девушке, прервав поток зубоскальства. – Дама не должна одеваться сама. Для этого есть слуги...

– Да какая я дама, – покраснела Кота. – И слуги только у ханжей!.. Так говорил Врадес.

– Да ты все равно сама не справишься, – безапелляционно заявила Чилва, притягивая к себе воспитанницу. – Это неподобающий вид для приличной

девушки. Так одеваются только...

Женщина вдруг замолчала и метнула уничижительный взгляд в сторону хихикающего Кродоса:

– Да даже они так не одеваются! И пока я жива, ты на люди будешь выходить только в приличной одежде!

Коте ничего не оставалось делать, как подчиниться. Ведь она хотела увидеть монстра под названием «замок харца», который так презирают братья, и боится кормилица. Сердечко страшно колотилось при одной мысли о походе, но девушка ни за что бы не призналась в этом, делая вид, что тоже игнорирует город и его жителей.

Полупрозрачная рубашка оказалась нижним платьем, на которое надевалось странное сооружение, именуемое Чилвой «корсет».

– Ай! – возмущенно вскрикнула Кота, когда кормилица с силой потянула шнуровку на спине. – Что это еще за орудие пыток?

– Иногда это орудие пыток спасает жизни, – пробурчала красная от натуги женщина, пытаясь утянуть талию Коты еще сильнее.

Мужчины с интересом наблюдали за процессом облачения Коты в «приличную одежду».

– Ты меня задушишь, – прохрипела побледневшая от недостатка воздуха Кота, отбрыкиваясь от настойчивой в своем стремлении Чилвы. – Хочешь меня убить?! Пусти!

– Так надо, – упорно твердила та, цепко удерживая вертящуюся Коту, – потом спасибо скажешь...

– А если скажу «спасибо» сейчас, ты от меня отстанешь? – извивалась девушка.

Наконец, Чилва решила, что талия Коты достаточно тонка и отступила. Девушка хотела было облегченно вздохнуть, но не удалось. Дышалось вообще с трудом,

плечи вздымались, но воздуха явно не хватало – она всю жизнь привыкла дышать полной грудью.

– Любопытно, – Кота ощупала почти выпрыгивающие из корсета маленькие груди, – так и должно быть? Ой! Что это?

Девушка с ужасом следила, как Чилва несет к ней ворох разноцветной одежды.

– Платье, – кормилица бросила к ногам воспитанницы тряпки и с облегчением вздохнула. – Уже почти все.

– Невероятно, – потрясенно прошептала Кота. Сопrotивляться сил не осталось, поэтому она лишь следила взглядом за манипуляциями кормилицы, зная, что сама ни за что бы не сумела это повторить.

– Один... два... четыре, – хором считали мужчины количество надеваемых на Коту юбок.

Сверху всего этого вороха Чилва водрузила платье из тяжелого материала с множеством застёжек и завязочек. Кота лишь слегка покачивалась, обреченно наблюдая за проворными пальцами той. Женщина со знанием дела распределяла сложную конструкцию по тоненькой фигурке девушки.

– Кота! – тщательно изображая благоговейное потрясение, воскликнул Кродос. – Да ты, оказывается, женщина!

– Как я ненавижу это! – со злостью ответила Кота, с завистью посматривая на мужчин. Теперь их одежды уже не казались столь сложными и нелепыми. По сравнению с количеством тряпок, что пришлось нацепить на себя, облегающие штаны и камзолы выглядели фиговыми листочками.

– О, боги! – изумленно воскликнул вернувшийся Врадес. – Что за чучело?!

– Это всего лишь я, – растерянno пискнула Кота.

– Что ты сделала с бедной девчонкой, Чилва? – Врадес озадаченно покачал головой. Кота несказанно удивилась такой реакции. – Чего она такая красная?

- Так ведь жарко очень, – едва дыша, проблеяла девушка.
- А почему губы тогда белые? – приподнял брови синеглазый мужчина.
- Дышать трудно, – почти прошептала Кота.
- Ты поэтому глаза так выпучила? – деловито уточнил Врадес.
- Тебя бы в корсет затянуть, – проворчала уязвленная Кота.
- А мне по статусу не положено, – едко усмехнулся Врадес и обратился к кормилице: – Чем же она так провинилась? Хотя, конечно, для профилактики надо, а то, как бы совсем от рук не отбилась... Но вполне хватило бы рубашки да сарафана.
- Да? – с надеждой переспросила Кота, оглядываясь на кормилицу.

Но та была непреклонна.

- Это одежда простых селянок. Интересно, как вы думаете, посмотрят на группу богато одетых мужчин, сопровождающих селянскую простушку?

- Она права, – с сожалением покачал головой Врадес. Кота отметила, что мужчина почти искренен. – Чилва больше знает о жизни горожан, надо ее слушать... если ты действительно хочешь туда пойти, хотя, лично я не понимаю – зачем.

- Хочу! – простонала Кота. Она тоже не знала – зачем, но рвалась на этот праздник изо всех сил и даже готова была перенести пытку платьем.

- Все будут одеты в лучшие наряды, – ворчала неугомонная Чилва, пытаясь резным костяным гребнем расчесать черные лохмы воспитанницы. – И я не хочу, чтобы моя девочка выглядела хуже других дам.

Она уложила волосы Коты на затылке в тугой пучок. Затем аккуратно вынула из большой круглой коробки нечто, похожее на шкуру рыжего кота, и принялась

прилаживать это на голову девушки.

– Что это? – потрясенно спросила Кота, расширившимися глазами наблюдая за действиями Чилвы. Судя по лицам братьев, те пребывали в таком же шоке.

– Парик, – снисходительно объяснила женщина. – Такой шикарный цвет волос необычайно редок в этих краях, а излишнее внимание тебе сейчас ни к чему.

«Нельзя допустить, чтобы хоть кто-то заподозрил в девчужке дочь прежнего харца», – добавила Чилва про себя. Она отступила на пару шагов, дабы оценить свое творение. Тяжело вздохнув, отметила, что Кота все больше становится похожей на отца, особенно это было видно в рыжем парике. И только фигуркой и цветом волос девочка пошла в Миген.

Слеза скатилась по щеке кормилицы. Любимая хозяйка всегда называла Чилву подругой. Единственной, кроме мужа, кто был близок харцессе. Чилва до сих пор толком не знала, что случилось той страшной ночью. За все кратковременные походы в город она ни с кем не разговаривала. С одной стороны от общения сдерживало обещание, данное Солдесу, а с другой... она боялась до смерти. Она не видела лиц напавших на нее в страшную ночь и подозревала каждого мужчину в том, что он был в рядах разбойников. Пара слов о цене товара на базаре – все, что могла себе позволить бывшая служанка харцессы.

– Что с тобой? – испуганно спросила Кота, заметив, что Чилва расстроилась.

– Ты уже такая большая, – сквозь слезы улыбнулась та. – Совсем взрослая женщина.

– Вот уж чего меньше всего хотелось, – недовольно пробурчала Кота.

– Интересно, мы хоть к вечеру доберемся до города? – со скучающим видом уточнил Авес.

Чилва, востропавшись, схватила плоскую коробочку и принялась колдовать над личиком девушки. Кота, ошарашенная еще больше, мужественно терпела измывательства, стараясь не чихать от облака странной белой пыли, что вилось вокруг головы.

– Все-все, – торопливо подвела итог кормилица, захлопывая коробочку. Кота с облегчением вздохнула и тут же закашлялась от попавшего в гортань порошка. В районе поясницы что-то подозрительно щелкнуло.

– Осторожней, – испугалась Чилва. – Старайся дышать тихо-тихо, чтобы не порвалась шнуровка корсета.

– Попытаюсь, – проворчала девушка, осторожно ступая. Ноги втиснуты в узкие кожаные колодки. Вывернув стопу, покачнулась. Едва сохранив равновесие, она с досадой произнесла: – Как в этом ходят?!

– Просто не ступай на пятку, – посоветовала Чилва. – Сначала на носочек. А лучше вообще старайся ходить на носочках, совсем не перенося вес тела на пятку. Это добавит походке женственности.

– Это добавит еще больше трудностей! – простонала Кота, пытаясь последовать совету. – Чувствую себя так, будто на меня водрузили стог сена! Вообще не знаю, дойду ли до города.

– Даме не пристало ходить пешком, – отрезала Чилва. – Поедешь на Колте.

– Да что ты! – даже испугалась Кота. – Ладно, я – вполне выносливая и здоровая. Но пожалей Колта, он же уже старик, падет еще по дороге.

– Семнадцать лет – еще не старик, – возразила кормилица. – Он, можно сказать, в самом расцвете сил. Да и нагрузка этому ленивцу пойдет только на пользу, а то совсем расслабился.

Ковес торопливо привел Колта. Жеребец обрадованно стриг ушами в ожидании поездки. Чилва лишь изредка выбиралась куда-то, а больше коня никак не использовали, позволяя бродить, где вздумается. Колт скучал. Но когда вместо Чилвы в седло братья закинули нечто большое и пестрое, жеребец заржал и встал на дыбы.

– Ай! – вскрикнула Кота, испуганно уцепившись за гриву. Девушка и так плохо ездил верхом, а в дамском седле вообще находилась впервые в жизни. Удержаться оказалось еще труднее, чем казалось. Да еще при полной дамской

амунии и резвом поведении жеребца.

– Тихо, мальчик, – Чилва умудрилась быстро успокоить Колта, так что тот больше не пытался сбросить испуганную Коту.

– На что только не приходится идти ради неизвестно чего, – буркнула девушка себе под нос.

– Тебе понравится, – Чилва расслышала тихие слова и печально улыбнулась. – Постарайся получить удовольствие от поездки. Гуляй, трать деньги...

– Кстати, – Врадес хлопнул себя по лбу. – Деньги!

Он ногой распахнул один из многочисленных ящичков, что всегда стояли перед палаткой Солдеса, и подхватил несколько маленьких звенящих мешочков. Затем бросил каждому по свертку. Получив свой, Кота озадаченно потрясла мешочек.

– Что это?

– Монеты, – ответил Врадес.

– Зачем? – удивилась девушка.

– Чтобы брать то, что тебе нужно... и люди при этом не возмущались... – туманно объяснил он. – И вообще, сама поймешь, – отрубил брат и ворчливо добавил: – Когда же вы, наконец, уйдете!?

– Не переживай, Кота, будет весело, – изящный даже в уродливом разноцветном камзоле Кродос подхватил Колта под уздцы и повел за собой. Жеребец послушно зашагал за улыбчивым парнем, а девушка снова схватилась за гриву, стараясь не вылететь из седла.

Первое время они весело переговаривались и шутили, потом, по мере продвижения в тихом лесу, замолчали. До города оказалось не так уж и близко. Или так показалось Коте, отчаянно цепляющейся за жеребца в судорожных попытках не улететь в кусты на очередной коряге. Она уже четыре раза прокляла клячу и того негодяя, который придумал такое неудобное седло, а

также всех модниц, что цепляют на себя тяжелые наряды, больше похожие на неприступные крепости.

Когда группа людей вышла на берег маленькой быстрой речушки, у Коты перехватило дыхание. Она впервые видела замок. Лес, такой родной и близкий, всегда был настоящим домом. Ничего общего с горожанами она не имела, разделяя презрение братьев по поводу слабых людишек, прячущихся за стенами. А ведь когда-то Врадес говорил, что она не их породы. Девушка всегда пыталась доказать холодному мужчине, что это не так, училась общаться с лесом, уважать мир животных, постигать науку воина... И никогда, никогда не ходила в эту сторону.

Теперь, когда Врадес уже давно не поминает о месте ее рождения, девушка вдруг стала замечать, что все чаще думает о городе. Замок представлялся огромным муравейником, полным неведомых тайн и скрытых достоинств. Как стучит сердечко! Сейчас она окунется в другую жизнь. Это щекотало нервы, словно за стеной был другой мир.

Цок, цок, цок. Они шли по маленькому мостику. Внизу весело бежали сверкающие в утреннем солнце струйки воды, лаская острые камни дна. Как же долго продолжается эта высоченная стена! Кота пыталась осознать, насколько велико это сооружение, но ничего не получалось.

– Какой огромный! – потрясенно прошептала она.

Ковес по другому воспринял ее заявление и утешительно похлопал девушку по коленке.

– Вон, скоро уже ворота.

Кота разглядела впереди целую вереницу людей. Если там и были ворота, то они скрывались за закруглением стены. При приближении оказалось, что закругление перетекает в высокое узкое здание, одно из двух, что стояли по бокам огромных ворот. Башенки казались сказочными из-за того, что были выложены из камешков, гораздо меньших по размеру, чем те, которые составляли защитные стены. И соединялись между собой каменным коридором, расположенным очень высоко. В широких окнах коридора Кота заметила железные котлы, назначение которых осталось загадкой.

Когда община подошла ближе, стало понятно, почему у входа было такое скопление людей. Усеянные коваными шипами, изготовленные из крепкого многовекового дерева, ворота были наглухо закрыты. Кота окинула взглядом длинную очередь желающих попасть в замок: кто на невысоких плоских повозках, кто на лошадях, а большинство же просто пешком, люди смиренно ожидали, когда их соизволят впустить. Женщины и девушки были одеты примерно так, как всегда одевается Чилва. Кота недоуменно моргнула. Зачем же кормилица ее вырядила так странно?

Они проезжали мимо нескольких женщин в разноцветных платьях. При приближении их группы, веселый щебет прекратился, и девушка ощутила на себе множество неприязненных взглядов. Казалось, что она чувствует, как селянки ощупывают глазами ее тело. Это оказалось крайне неприятным.

– Что все на меня так уставились? – тихо спросила она Ковеса, идущего рядом.

Мужчина недоуменно оглянулся, потом понимающе хмыкнул.

– А-а-а! – протянул рыжий Ковес. – Разреши представить, дорогая сестричка, зависть людская, обыкновенная! Красивая девушка, богатая, роскошно одетая, да еще в окружении таких красавцев, как мы, – он весело подмигнул сестре, – просто обязана вызывать дружную и огромную зависть у других представительниц своего пола. У людей вообще считается неприличным не вызывать зависти. Значит, ты собой ничего не представляешь!

– Совсем рехнулись! – Кота с отвращением передернула плечами. – Не самое приятное чувство, зачем эту мерзость еще вызывать специально? И ведь вроде не уродины, да и не голые... Я с радостью поменялась бы с любой из них платьем. Они же просто не представляют, на что приходится идти ради такой «красоты»!

– Многие идут еще и не на такое, – поддакнул Ковес. – А насчет платья – говори тише. Знаешь, что тут начнется, узнай они твои желания?

– Что? – заинтересованно отозвалась Кота.

Мужчина подумал и осмотрелся.

– Ладно, это мы попробуем в следующий раз. Сейчас наши одежды дают некое преимущество...

– Кого ты ищешь? – Кота повертелась. – Свои все рядом, никто не отстал.

– Стражу, – ответил за него Ломлес. – Что-то они не торопятся. Как бы привлечь внимание этих бездельников?

– О! – осенило Ковеса. – Все-таки, сестричка, я тебя развлеку. Помнишь, ты спрашивала, что такое деньги? Достань-ка одну монетку.

Кота торопливо покопалась за богато расшитым поясом в поисках сверточка. Достав блеснувший на солнышке кругляш металла, недоуменно повертела в руках. Плоский, абсолютно круглый, с кривыми изображениями на каждой из сторон. Понюхав, попробовала куснуть монету, во рту остался неприятно-кислый вкус. Сплюнув, вопросительно уставилась на брата.

– Деньги тут считаются самым главным, – Ковес презрительно скривился. – Ради них многие готовы на все. Вот смотри: кинь монету туда, где много людей.

Подумав, Кота зашвырнула кругляш в самую середину того скопища женщин, что так внимательно рассматривали ее. Раздался визг. Две женщины одновременно заметили монету и бросились за ней, столкнувшись лбами. Другие, увидав, за чем метнулись подруги, сгрудились вокруг. Каждая старалась перехватить деньги. Вокруг мгновенно поднялось облако пыли. Женщины, еще минуту назад бывшие подругами, дрались за монетку не на жизнь, а на смерть. Расцарапывали друг другу лица, таскали за тщательно уложенные прически, отрывая банты со своих лучших платьев.

Кота уже пожалела о сделанном поступке, но братья казались очень довольными. Не потому, что любили наблюдать за дерущимися кошками, а потому что на шум выбежала стража. Ломлес подкинул такую же монетку вверх, которая тут же была перехвачена одним из людей в железных кирасах.

– Соблаговолите пройти сюда, господа, – поклонился он, указывая путь.

Провожаемые завистливыми взглядами простых людей, спутники двинулись в сторону ворот. Кота оглянулась на все еще продолжающуюся заварушку.

– Вот что с людьми делают деньги, – печально сказал Авес.

– Зато их наличие дает многие преимущества, – хищно улыбнулся Кродос.

Шрам на его лице покраснел, став еще виднее. Стражник, идущий рядом, покосился на него с заметным сочувствием.

– Сокровища, добытые в бою должны приносить двойное удовольствие, – подал он голос. – Сразу видно настоящих воинов. А кто эта прекрасная дама?

– Наша харцесса, – не растерялся Кродос, улыбнувшись еще шире. – И наше главное сокровище!

Стражник понимающе улыбнулся, бросая на Коту еще один восхищенный взгляд.

– О! Так господа – знатные вельможи? Добро пожаловать в славный Бай! Вам понравится наш город. Жаль, что вы не прислали гонца. Не пришлось бы стоять перед закрытыми воротами вместе с простолюдинами, – подобострастно промолвил он и низко поклонился.

Девушка, не привыкшая к столь явному и приятному вниманию противоположного пола, покрылась очаровательным румянцем. Отметив про себя, что молодой стражник очень даже ничего внешне...

– Сам дурак, – не зная, куда деть себя от смущения, буркнула она брату.

Кродос с удовольствием расхохотался, вызвав укоризненный взгляд мрачного Ломлеса. Остальные же с легкостью присоединились к веселью. Хохоча, они прошли в приоткрытые ворота. А Кота слегка наклонилась к молодому стражнику, растерянно отметив, что взгляд мужчины скользнул на ее оголенное декольте.

– Скажите, а почему не впускают всех?

– Так рано еще, – удивился тот, а потом понимающе улыбнулся: – Вы впервые в наших краях? Судя по необычному цвету ваших прекрасных глаз, вы родом из земель Кробов. Я слышал, что там совсем другие традиции. В полдень состоится торжественное открытие ворот, и будут приглашены все желающие.

– И что, – ужаснулась Кота, – нам придется до полудня ждать начала праздника?

– Ну что вы! – замахал руками молодой человек. – Горожане уже с рассвета празднуют, да и ярмарка в самом разгаре... это окрестные селяне вынуждены ждать. Таков обычай, ничего не поделаешь.

Кота непонимающе моргнула, провожая взглядом оставшегося у ворот стражника. Колт уже звонко брякал подковами по каменной мостовой замка. Широкий полутемный коридор, через который они сейчас проходили, был абсолютно пуст. И по нему можно было оценить толщину крепостных стен. А впереди ждал город с красивым названием Бай. Он встречал новых гостей веселым шумом и пестрым столпотворением на площади, которая раскинулась под высокими стенами величественного замка.

Вот теперь Кота почти не отличалась от множества горожанок в шикарных одеяниях, важно шагающих по площади. На многих были еще более сложные наряды. Девушка изумленно проводила взглядом даму с ужасным нагромождением на голове. Парик это или странные украшения прикреплены на волосы – Кота не могла бы сказать наверняка. На самом верху лежали фрукты, кажется, самые настоящие. Она с трудом поборолла желание стащить спелое красное яблочко. Но впереди ждало еще большее потрясение. На одном из балконов она увидела старую женщину с гордым выражением на морщинистом лице. На даме было настолько огромное платье, что оно больше походило на одну из торговых палаток.

– Спасибо тебе, Чилва, – с чувством произнесла Кота. И хоть кормилица не могла услышать девушку, она все равно твердила эту фразу всякий раз, как замечала еще какие-нибудь нелепости.

Братья с улыбками посматривали на удивленную Коту. Они шустрými змеями шныряли в толпе, всовывая в руки сестры то ароматное пирожное, то какую-нибудь побрякушку. Девушка ерзала на медленно продвигающемся Колте и с ужасом наблюдала за всем, что творится внизу. Вот перед ней возник Уварос и,

хитро подмигнув светлыми глазами, потащил Колта в сторону. Вскоре они приблизились к небольшой отгороженной площадке, на которой двое мужчин в помятых доспехах не первой свежести пытались биться на мечах. Кота с немалым удивлением смотрела на старания воинов, не в силах понять, неумехи по-настоящему дерутся или же просто играют на публику.

Толпа вокруг неистовствовала, подбадривая сражающихся. Вот один упал, второй восторженно закричал, потрясая мечом. С трудом стащив с головы изрядно покореженный шлем, мужчина гордым взглядом с триумфом окинул толпу. Задержавшись на миловидном личике Коты, улыбнулся и, красуясь, направился напрямик к ней. Поравнявшись с девушкой, с пафосом произнес:

– Посвящаю победу этой прекрасной даме! Вам понравилось, как я сражался, милая барышня?

– Не очень, – пожала плечами девушка.

С лица мужчины схлынуло все величие, оставив место только для полной растерянности. А Кота спокойно добавила:

– Но вам еще повезло, что тот второй вообще не знает, как браться за меч.

И, оставив притихшего господина глупо моргать вслед, развернула Колта в другую сторону. Уварос уже куда-то исчез, зато рядом возник Ломлес. Надо отдать должное братьям, они не бросали девушку одну.

– Мне скучно, – пожаловалась ему Кота. – И задницу уже отсидела.

Две проплывающие мимо дамы расслышали ее слова и растерянно переглянулись. Но Кота не заметила взглядов свысока. Ей было не до чуждых приличий.

– Так прогуляйся, – равнодушно пожал плечами Ломлес.

Появившийся как бы из ниоткуда Ковес помог девушке спуститься. Авес принял Колта под уздцы и повел в сторону. Кота послонялась немного в толпе, стараясь не упускать из виду Ломлеса. Но кроме толкотни ничего не чувствовала. Она

устала. Сладости уже не лезли в горло, от непривычной еды сильно тошнило. На многочисленные разноцветные тряпки, что продавались на каждом шагу, вообще не смотрела. Метнулась было к оружию, но разочарованно покрутила в руках халтурно сделанные пугачи. Отпихнув нахваливающего товар продавца, подергала рукав Ломлеса.

– Пойдемте домой!

Тот удивленно посмотрел на девушку.

– Ты же всех утомила, с десятков дней подпрыгивая: «ярмарка!», «праздник!», а теперь еще до открытия – домой?!

– Мне скучно, – ныла Кота. – Я натерла ляжки этими обрезанными штанами...

– Чулками, что ли? – ошеломленно переспросил Кродос. – Это не штаны.

– Да мне до лесу, как они называются! – простонала девушка. – У меня наверное уже кровавые волдыри! А ребра, кажется, вообще копьями проткнули все тело...

– Ершисть, Кота! – выругался Уварос. – В кои веки вырвались в город без нудного Солдеса и вредного Врадеса, так ты все удовольствие портишь! Пойди куда-нибудь, да стяни эти штаны... чулки, да что хочешь, только не стони!

– Пойдем, – Авес, который вернулся уже без жеребца, уверенно потянул Коту за юбку. – Кажется, я видел подходящее местечко...

Он потащил сестру в сторону, где стояли небольшие крытые со всех сторон палатки. Между двумя виднелся небольшой проход. Авес протолкнул ее туда, а сам остался стоять снаружи. Кота торопливо прошла вперед и оказалась на малюсенькой площадке, заваленной старыми деревянными ящиками. Плюхнулась на один и задрала юбку.

– Ненавижу! – брюзжала она, стаскивая с себя уродливые тряпки, гордо именующиеся чулками. – Ненавижу!

Чулки полетели в сторону, а Кота вскочила и принялась с остервенением отрывать нижние многоярусные юбки, больно хлеставшие ноги при ходьбе.

– Не видел столь шикарных ножек ни у одной красавицы! – услышала Кота.

– Непостижимо! Кто-то знает, что у женщин есть ноги! Это притом, что их так тщательно скрывают, – ворчливо отозвалась она, разрывая тесемки.

Глава 3

– Я не мешаю? – уточнил собеседник.

Кота мельком глянула на высокого нескладного молодого человека со смешливым взглядом голубых глаз.

– Нисколько, – раздраженно проворчала она, зубами разрывая особо крепкую лямку. Белоснежный ворох нижних юбок с шуршанием осел на землю. Кота облегченно вздохнула, переступила через пыльные тряпки и поправила корсаж. – Вот бы еще эту дрянь стянуть как-нибудь, но для этого пришлось бы из платья выбираться! Какие же чудовищно неудобные, эти приличные одежды!

– А обычно вы носите неприличные? – заинтересовавшись, уточнил незнакомец.

Кота удивленно посмотрела за спину, заглянула за ящики.

– Здесь кто-то еще прячется? Какое популярное место – городская ярмарка, укрыться от людей – целое искусство!

– Нет, тут только я, – недоуменно пробормотал парень, тщательно затапывая нечто, все еще испускающее легкий дымок. Подобный же дымок, только светлее, вился вокруг его головы... Хотя, возможно это лишь показалось девушке из-за полуобморочного состояния. – Скажите прямо, вы – замаскированный локки?

– Почему ты обращаешься ко мне так, словно меня как минимум двое? – с подозрением глянула на молодого человека Кота. – И какие маски – на мне нет ни одной!

– Ну, это просто для приличия... – совсем растерялся парень.

Белый дымок, как живой, вильнул вокруг его головы, а затем шустрой змейкой исчез в куче ящиков.

– Ох уж мне эти городские приличия! – иронично фыркнула Кота.

Она смерила незнакомца с головы до ног придирчивым взглядом. Очень высокий. Излишне длинные ноги и руки создавали впечатление, что их насильно вытягивали. Тощий, бедра узкие. Но из-за непропорционально широких плеч создавалось ощущение, что за воротник засунули палку. Большие кисти и стопы. Молодой человек сильно сутулился, при этом голова немного ушла в плечи, точно он злился на кого-то, смотрел как бы «набывчившись». А вот лицо совсем юношеское, кожа не тронута даже мелким пушком. Немного наивное, даже несколько растерянное выражение он неумело пытался замаскировать циничной миной. В общем, парень производил впечатление домашнего гусенка, по нелепой случайности вылупившегося в гнезде у хищного орла, и поэтому старательно пытающегося подстроиться под своего грозного родителя.

– Совсем зеленый, – насмешливо хмыкнула Кота. – Сколько тебе лет, чудо?

– Тринадцать, – смущенно съежившись, ответил незнакомец. Похоже, ему было неловко признаваться в столь юном возрасте, так не вяжущемся с высокой фигурой. Но выражение лица соответствовало названному числу, так что Кота с одобрением кивнула. Явно не солгал, не попытался приукрасить действительность.

– А как тебя зовут? – просто спросила она и неожиданно приветливо улыбнулась. Парень немного опешил, словно в ответ на честность ожидал только насмешки.

– Лай, – сконфуженно буркнул он.

При всей начальной бравате, молодой человек оказался весьма стеснителен. Или он так отреагировал на простое отношение Коты? Но она ведь не знала, как принято разговаривать молодым людям в так называемом «приличном обществе». Хотя, могла поклясться, что если они мучили себя подобной жуткой одеждой, то и в общении было так же мало естественного.

– Ты такая странная... думаю, ты на самом деле локки. Просто по каким-то причинам не хочешь быть узнанной. Вон и парик страшный нацепила! И на лице столько косметики, как будто на бал собралась.

– Знал бы ты, как это все противно, – сморщилась девушка, с отвращением ощущая на лице слой пудры, уже смешавшейся с потом и дорожной пылью, и посему ставшей совсем кошмарным испытанием для кожи. – Парик постоянно сползает, по лицу что-то течет, словно черви ползают, вся вспотела в этом костюме, как в прелом стоге сена! А еще туфли! Это просто пытка какая-то!

– Так зачем ты себя так мучаешь? – несказанно удивился Лай. – Ты же локки! Вы вольны носить все, что угодно, никто и слова не скажет! Ты что – не знала? А кто твой наставник? Он тоже сейчас в Бае?

– Почему ты задаешь столько вопросов? – снова подозрительно спросила Кота. Она решила пока не говорить, что даже не знает, кто такие локки. Вдруг это еще пригодится. – Ты что, сам – эти самые локки?

– Нет, – как-то чересчур поспешно ответил Лай, даже замотав головой для убедительности, точно быть локки для него чуть ли не позорно. – Я просто удивился, встретившись с локки лицом к лицу. Почему-то маги обходят наш город стороной, хотя в соседних появляются довольно часто и пользуются своими привилегиями. – Он поперхнулся, кашлянул и, окончательно смутившись, добавил: – Ну, так говорят...

– Ну, ладно, – отрубила Кота, решительно поднимаясь с полурасколотенного ящика, где сидела во время разговора, давая отдых натертым ступням. – Меня ждут! – И решительно пнув кучу белого тряпья в сторону, направилась к проходу.

– Ходить здесь босиком, – усмехнувшись, заметил Лай, – я бы не советовал. Если дороги ноги, конечно... Как бы ни были ужасны эти старомодные туфли, все-таки

придется их надеть.

Кота с ненавистью глянула на кожаные колодки, вздохнула и вспомнила мостовую, уже с самого утра загаженную остатками пищи, да усеянную керамическими осколками. И была вынуждена признать, что парень прав. С тоской поглядела на Лая (снизу вверх, поскольку Кота была почти на две головы ниже), потом на туфли. Тяжело вздохнув, с трудом втиснула в них распухшие от непривычной обуви ступни. Шагнула и сразу охнула от боли. Кровавые мозоли сразу дали о себе знать. Но, покосившись на Лая, стиснула зубы и твердой походкой направилась к выходу из закуточка. Там, не пуская никого внутрь, терпеливо ожидал Авес.

– Может, еще увидимся, – услышала она хриплый голос Лая. Казалось, парень сам не верил в это. – Найдешь меня на пустыре за стеной, около старого мосточка через Ори. Я там почти каждый вечер тренируюсь...

В чем тренируется новый знакомый, Кота уже не расслышала, поскольку шум празднующей толпы заглушил все звуки.

– Что так долго? – почти раздраженно проворчал Авес, хватая сестру за руку. – Теперь рискуем потерять своих – станут ли нас ждать!

Но Кота лишь блаженно улыбнулась. Да, на ней все еще был уродливый рыжий парик, да стискивающий ребра корсет, но от чулок, страшно натирающих внутренние стороны бедер, да тяжелых юбок, тянущих тело к земле, она все-таки избавилась! И уже это несказанно радовало. И пока Авес тащил ее за собой, уныло пытаясь найти в толпе братьев, Кота вспомнила о недавней встрече и неожиданно для себя улыбнулась. Было что-то трогательно-наивное в смешном нескладном паренке...

Внезапно из скопища народа возник угрюмый Ломлес и потянул девушку за локоть.

– Ну, где вы пропадали? Мы уже час рыщем по всей площади! – нахмурившись, ворчливо выговаривал он. – Не надо было брать девчонку, одна забота – следить, как бы чего не случилось.

Ломлес ворчал и ворчал, дергая сестру за руку. Было так хорошо еще минуту назад, а теперь раздражение рвалось из груди, сметая все страхи.

– Да ничего со мной не случится! – Кота вырвалась из цепких рук. – Вообще, можете идти себе по своим делам, а я буду одна развлекаться!

Они еще узнают, что Кота сама может о себе позаботиться! Девушка зло передернула худенькими плечиками, когда скривившийся Ломлес сунул в руки мешочек с деньгами, у нее уже есть один. Но, когда яркие камзолы Ломлеса и Авеса исчезли за фигурами обывателей, Кота запаниковала, поскольку впервые осталась одна, а толпа народа показалась огромным страшным чудищем. В лесу все знакомо, там спокойно и каждый куст родной. Здесь же чужие запахи, сбивающие с толку многообразием и порой неприятным ощущением в гортани. Кота сглотнула, выпрямилась и смело осмотрелась. Она не должна выказывать страха. Братья вполне могли наблюдать за ней, стремясь узнать, как Кота себя поведет в этой ситуации. Это был любимый способ воспитания щенков в стае: бросить и позволить мелкому самому научиться выбираться из сложной ситуации.

Кота не доставит им такого удовольствия. Братья же потом целый год будут ей вспоминать эту неудачу! А Врадес, как узнает – совсем затюкает! При этом девушка лукавила сама с собой, поскольку знала – стоя никогда не оставит щенка без поддержки. Что бы ни случилось, братья рядом, и она не попадет в беду.

Поправив парик, пошла вперед, надеясь самой понять, как нужно вести себя в непривычной ситуации. Мужчина в странной плотной рубаше с двумя тканевыми хвостами на заднице, что шел впереди, кинул мелкую монетку трактирщику, стоящему на улице с бочонком и уродливой керамической кружкой. Тот сразу налил янтарной прозрачной жидкости и протянул покупателю. Мужчина, не отрываясь, залпом выпил содержимое, довольно фыркнул, утер рот рукавом и, хлопнув трактирщика по плечу, пошел дальше.

Кота тут же подскочила к трактирщику, всучив тому монету, которая первой попала в руку из мешочка. Опешивший трактирщик растерянно крутил в руках золотой кругляш, размышляя – чего хочет эта явно знатная с виду дама. Кота же ловко перехватив керамическую кружку, сама налила янтарной жидкости и опрокинула себе в рот. Но тут же захлебнулась бурлящими пузырьками. Вытаращив глаза, поспешно сплюнула горьковатую жидкость. Отфыркавшись,

постаралась придать лицу довольное выражение и хлопнула по плечу трактирщика. Тот, совсем окосев от происходящего, медленно поехал в сторону и, не удержавшись, плюхнулся на бок, уронив драгоценный бочонок. Сквозь трещину в дереве, будто рану, просочилась на грязные камни светло-желтая жидкость.

Кота же, счастливая после первого самостоятельного городского поступка, пошла дальше, не обращая внимания на перешептывания окружающих. И пусть дрянь, которую пили прохожие, оказалась совсем противной, девушка справилась и была крайне довольна собой. Оглядываясь по сторонам, увидела, что многие лавки окружены толпою зевак, а одна совсем пустовала. Около двери на маленьком стульчике дремал худенький старичок. Решительно направившись туда, Кота весело подумала, что здесь не отдавят ноги. И она, наконец, сможет что-нибудь купить. Сама!

Не обращая внимания на старика, проскользнула внутрь лавки. Помещение встретило ее полутемной прохладой. Насладившись тишиной, Кота двинулась вдоль прилавка, ощупывая различные тряпки. Старик у входа всколыхнулся и стремительно влетел в лавку, словно ему было не больше двадцати.

– Что желает милая леди? – залебезил он.

– О! – Кота бесцеремонно залезла в старый обитый железом сундук, вытащив длинный чуть мерцающий плащ с капюшоном. – Красиво! Это что такое?

– Это, – засуетился торговец, – хороший плащ, отличный плащ! Госпожа локки, он вам прекрасно подойдет!

– Кто локки? – Кота нахмурилась и обернулась. Сегодня уже второй раз говорят, что она – какая-то локки. – И вообще, кто такие локки?

– Так маги... – Старик растерялся, но через мгновение глаза его наполнились страхом, руки затряслись. Он упал на колени и взвыл: – Ой, простите старика, госпожа локки. Конечно же, вы не маг! Простите, я никому не скажу!

Кота махнула рукой на трясущегося старого мужчину, одетого в простые холщовые брюки и тонкую рубаху, украшенную грубой вышивкой. И вновь обратила взор на шикарную ткань в руках. Она никогда не видела подобной

красоты, даже Чилва не привозила ничего подобного. Тут возникла мысль, что если бы ее одели в самые неудобные одежды, сшитые из этой таинственной, мерцающей ночным небом и шуршащей старой травой на забытой тропе волшебной ткани, Кота бы стерпела любые неудобства, даже ни пикнув ничего в протест.

– Как это носят? – зачарованно спросила она у торговца.

Тот вздрогнул, поднялся и осторожно, стараясь не прикасаться к самой девушке, помог надеть плащ. Полюбовавшись на себя в огромном, в человеческий рост, потертом и пыльном зеркале, Кота заметила, что красота плаща лишь подчеркивает уродство остального наряда.

– А что еще у вас есть подобное? – жадно спросила она старика, стягивая пыльный парик. В зеркале она увидела, как антрацитовые локоны рассыпались по плечам, оттенив глубокий синий цвет плаща. В этот миг Кота впервые себе понравилась.

– Все, что ваша светлость пожелает, – понимающе улыбнулся торговец.

Он, кряхтя и пытая от натуги, вытащил на середину палатки старый сундук и с видом фокусника откинул крышку. Резво орудуя руками, вытаскивал вещи и проворно раскладывал на прилавке, тюках и даже на полу. Кота зачарованно разглядывала узкие брюки из черного блестящего материала; нежную, как облако, кружевную блузку длиной до бедра, с шикарным воздушным воротником и пышными рукавами. Очень удобно, чтобы скрыть женскую грудь. Кота жадно хватала все подряд, так как не терпелось примерить эту красоту. Торопливо осмотрелась в поисках, где можно притулиться, смела с прилавка какие-то невзрачные тряпки, бережно положила туда свою добычу и принялась расшнуровывать корсет, раздирая плотную ткань платья...

– Не губите! – внезапно побледнев, вскричал старик и рухнул на колени.

– А? – удивилась девушка, потом вспомнила, что говорили про «приличия» – мол, раздеваться и переодеваться прилюдно нельзя. Недовольно скорчившись, опустила руки, но полдела было уже сделано. В таком виде выходить из лавки тем более неприлично.

Торговец осторожно приподнял голову, убедился, что Кота больше не оголяется, и, облегченно вздохнув, тяжело поднялся.

– Если госпожа желает переодеться, я запроу лавку и позову дочку помочь, – вытирая со лба холодный пот, промолвил он, и ушел вглубь, испуганно оглядываясь на хмурую покупательницу.

Через минуту в палатку влетела краснощекая девица. При виде полуодетой Коты она ойкнула и зарделась. Потом, спохватившись, заперла дверь огромным, – с ладонь, – железным ключом, и осторожно приблизилась к госпоже.

– Позвольте, я помогу, – смущенно пролепетала она.

Кота вздохнула, но позволила ловким пальчикам помощницы стянуть платье и расшнуровать корсет. Девица что-то неразборчиво бормотала при виде оборванных юбок и ахнула, заметив на стройных бедрах госпожи кровавые волдыри.

– У вас тайное дело? – чуть осмелев, спросила она дрожащим голосом. – Видимо, проникли в Бай втихую? Надеюсь, все прошло удачно?

Кота не ответила, лишь с подозрением глянув на дочь торговца. Та, решив, что госпожа сердится на столь неуместное любопытство, поспешно замолкла. Все еще недоумевая по поводу слов прислуги, Кота облачилась в шикарную рубаху. Тонкая нежная ткань ласкала кожу, на которой еще были видны синюшные полосы от тугого корсета. Узкие брюки на худенькую Коту сели просто идеально, широкий пояс подчеркнул тонкую талию. Девица предложила госпоже выбрать жилет. Коте понравился маленький, – почти корсет, – но без жестких вставок, да и шнуровка здесь служила лишь украшением.

Запахнувшись в плащ, она ощутила себя кем-то другим – девушка, что смотрела из пыльного зеркала, совсем не напоминала дикую, взлохмаченную озорным ветром пацанку, которую показывало Коте отражение в озере.

– Чего-то не хватает, – задумчиво протянула она.

– Ясно дело, чего, – хихикнула дочь торговца и притащила из дальнего угла высокие темные сапоги, вроде тех, которые достались хитрюге Уваросу.

Кота осторожно потрогала тонкую прохладную кожу, с сомнением глядя на свои босые ноги. Она боялась боли, которые могли причинить мозоли, оставленные на память жесткими туфлями. Но босиком идти по городу невозможно, так что придется надевать обувь. Во всяком случае, на вид легчайшие сапожки были мягкими и обещали комфорт. Скорчившись от ожидания, девушка осторожно натянула узкое голенище. Ступню лишь чуть засадило – пластичная кожа не причиняла ни капли неудобства, и даже несколько притупляла неприятные ощущения. Почему же Чилва не купила такую удобную обувь? Зачем заставила носить жесткие колодки?

– Вам нравится, – вопросительной интонации в голосе дочери торговца не было, поскольку и так было видно, что госпожа очень довольна.

Кота смахнула с лица мешающую прядь и с брезгливым выражением уставилась на ладонь, испачканную в белилах и пыли. Девушка в простом ситцевом платьице, как у селянки, понимающе кивнула и метнулась внутрь палатки, вытащив на прилавок старый медный таз, изукрашенный вмятинами и зеленоватым налетом. Но вода в нем оказалась чистая и чуть теплая. Кота с наслаждением умылась, тщательно отскребая с лица толстый слой грима, кропотливо наложенного кормилицей. Потом вытерлась белоснежным полотенцем, протянутым сноровистой помощницей.

– А вы будете платить? – осторожно осведомилась девушка, чуть отступая с тазиком мутной воды.

– Буду, – просто пожала плечами Кота, нашаривая в грязном тряпье, еще недавно составлявшем ее наряд, мешочки с монетками. – А что, можно не платить?

– Локки не всегда платят, – неопределенно ответила дочь торговца и, отперев двери, исчезла в глубине палатки.

С улицы зашел старик и тщательно прикрыл за собой дверь.

– Госпожа довольна? – вкрадчиво спросил он, ступая по полу так, словно это первый ледок на озере.

– Буду платить, – понимающе усмехнулась Кота. Ну и работка у людей – столько нервов, да еще и неизвестно, заплатят или нет.

Старик довольно заулыбался и затряс реденькой бороденкой, подсчитывая в уме сумму.

– Тридцать золотых, – торжественно объявил он, чуть отступив, видимо, на всякий случай. Вдруг магу итог не понравится.

Кота уже просекла, что локки – это такие создания, которых все боятся. Но в лавке она нашла компромисс между нормальным существованием в холщовых штанах и ужасной пыткой кучей тряпья, где соблюдены городские приличия, но одежда почти не мешает. А за такое удовольствие можно было и расплатиться. К тому же, деньги – это лишь смешные блестящие кругляшки. Ими не утолить голод и не защититься от меча. Она кинула старику один из мешочков.

– Этого достаточно?

Тот деловито развязал тесемку и заглянул внутрь. Лицо старика смешно вытянулось. Кажется, такой щедрости он не ожидал.

– Спасибо, добрая госпожа, – растерянно прошептал он. – Слишком много.

Кота безразлично пожала плечами и направилась к выходу, но старик подскочил и чуть не насильно сунул в руки покупательницы сумку. Пока Кота растерянно крутила в руках, как ей показалось, большой карман из тонкой, но крепкой черной кожи, старик метался по лавке, собирая одежду. Потом он спешно пихнул девушке еще пару рубаш и какие-то штаны.

– Лишние деньги не приносят удачу, госпожа, – промямлил он, упорно пытаясь всучить еще какие-то вещи. – Но вот так все будут довольны. Это хорошая одежда, госпожа не прогадает.

Кота рассеянно улыбнулась, позволила утрамбовать еще пару тряпок, да повесила сумку на плечо. Пусть будет, вдруг еще захочется выбраться в город... а может, и на полянку перед мостом, про которую говорил смешной мальчик Лай. Добродушно помахав довольному торговцу, девушка выскочила на улицу.

– Наденьте капюшон, госпожа, – донеслось вслед.

Видимо, тут принято прикрывать свои волосы либо париком, либо капюшоном. Ну что же, Кота не против. К тому же, одно удовольствие лишний раз прикоснуться к ткани, из которой сделан плащ.

Она шла по улице в поисках братьев и получала удовольствие от разницы в ощущениях. Нигде не давит, не жмет, не трет. Как мало порой нужно для счастья! Чуть свыкнувшись с новой одеждой, Кота заметила и другие перемены. На нее теперь никто не пялился. Мало того, окружающие упорно старались не смотреть в ее сторону, поспешно отводя случайно брошенный взгляд. И вокруг всегда было свободное пространство, хотя на площади была такая же толкучка, что и час назад.

– Кродос! – Кота потянула за прядь русых волос, обнаружив брата доказывающим что-то двум прелестным девушкам.

Голубоглазый парень оглянулся, и очаровательная улыбка сползла с лица. Мгновенно в его руках оказался нож, который воин приставил к шее девушки. Девиц, с которыми он разговаривал, простыл и след, едва они взглянули на девушку. Кота отшатнулась.

– Брат! – испуганно вскрикнула она.

– Кота?! – несказанно изумился парень, опуская руку. Внимательно оглядел сестру с головы до ног и усмехнулся. – То-то я запаха магии не почуял... Интересно, с каких пор ты переквалифицировалась в локки? Хотя, отрицать не буду, тебе очень идет. Не будь ты моей сестрой, приударил бы непременно за такой красоткой! Хотя, что я несу, если бы я не убил локки, Солдес бы мне самому голову открутил!

– Объясни толком, кто они такие? – устало попросила Кота. – Почему их все так боятся и почему локки одеваются в такие одежды... Нет, не так! Почему другие

не могут одеваться в настолько удобные костюмы? После той жути, что нацепила на меня Чилва, все это кажется мне легким облачком!

– Насчет моды, я не советчик, – поморщился Кродос. – Мы стараемся одеваться так, чтобы не сильно выделяться из толпы. А насчет локки... как бы это объяснить. Если вкратце, это маги, черные колдуны... ну люди, которые могут больше, чем другие.

– Что могут? – не поняла Кота.

– Все. Ну, у локки вообще другое мировоззрение, – бессвязно продолжил веселый парень, будто бы и не расслышав вопроса сестры. – Для них важна лишь власть. Не то, чтобы они такие уж все из себя опасные... сталкивался я с парочкой. Так себе... Но противник неприятный.

– Ничего не поняла, – разозлилась девушка. – Меня все вокруг принимают за неизвестно кого. Я сама толком не знаю, чего от меня ждут. Как себя вести, что делать, что говорить...

– В том-то и прелесть, – вдруг рассмеялся Кродос. – Что можно делать, говорить и творить что угодно. Простые люди все равно не поймут, но и бояться не перестанут. Вот только постарайся с локки не разговаривать... если вдруг встретишь. Хотя, откуда им тут взяться... уж стая позаботилась! Все равно запомни: не разговаривать! Те сразу просекут, кто ты. И стая лишится такого хорошего воина.

– О, Кота! – Как всегда неожиданно из толпы возник Ломлес. Хвала небесам, брат не стал набрасываться с ножом, сразу признав Коту. – Уже прибарахлилась. Хорошая маскировка, не то, что Чилва тут намудрила. И главное – делу не мешает! Пошли, есть для тебя задание.

Кродос мгновенно скорчил умную физиономию и скользнул следом за братом. Кота, недоуменно пожав плечами, проследовала за ними. Перед девушкой, как и раньше, расступался народ, образуя широкий проход в направлении взгляда. В конце импровизированного коридора она увидела огороженную площадку.

Мостовая здесь была щедро усыпана желтым песком. Шаткое ограждение облепили люди. Они кричали, махали руками и всячески выражали бурные

эмоции. В середине круга, натужно пыхтя, сцепились двое мужчин. На каждом были только кожаные брюки, тела блестели от пота, волосы грязными сосульками скрывали лица. Кота вздрогнула, разглядев на шеях утыканные острыми шипами кованые ошейники. Причем и с наружной, и с внутренней стороны, на коже уже виднелись следы кровоподтеков.

Тут, у полусгнившего столбика, к которому тянулись цепи от ошейников борющихся, она увидела и остальных братьев. Лица их были сосредоточены, брови – нахмурены.

– Кота? – удивленно взмахнул руками рыжий Ковес. – Ну и дела!

– Думаю, она поможет, – с заметным сомнением протянул Ломлес, задумчиво разглядывая девушку.

– Чем помочь? – заинтересовалась Кота, разглядывая борющихся. Цепкий взгляд сразу выделил одного. Он был пониже и явно худосочнее своего мускулистого соперника. Не зря девушка обратила на него внимание. Воин был явно лучше подготовлен, знал, где слабые места у противника и как уйти от нападения. Но движения его больше подходили бы для схватки на мечах. – А почему они дерутся? Тот, пониже, лучше бы мечом орудовал.

– Девочка все видит, – довольно усмехнулся загорелый Уварос. – Объяснять долго, нужно освободить его. Хозяин продать его отказался. Мы надеялись, что ты, – в образе прекрасной дамы, – сумеешь заговорить скряге зубы, пока мы освободили бы беднягу.

– Кому тут зубы заговорить? – холодно уточнила Кота, с заметным хрустом разминая руки.

– Заговорить, а не лишить всех зубов, – холодно осадил ее Ломлес. – Драку затеять и без тебя бы смогли. А ты теперь с виду локки. Кто знает, клюнет ли хозяин на столь опасную приманку? Хотя, попробовать стоит, очень не хочется город на уши поднимать. Вдруг, это вообще не он...

– Кто «он»? – растерянно спросила Кота. Она пристально следила за юрким противником, но внешний вид раба ни о чем ей не говорил. Девушка никогда раньше не видела этого человека.

– Кота, послушай, – Ломлес развернул девчущку к себе и, чуть наклонившись, заглянул в черные глаза. – Вон видишь того мужика в фиолетовом камзоле и красных облегающих штанах?

– Вон того петуха? – смеясь, уточнила девушка, указав пальцем на улыбчивого мужчину средних лет, тщательно приглаживающего белесые усы.

– Того, – немного разочарованно вздохнул Ломлес. Кота совсем еще девчонка! – Нужно построить ему глазки, поманить. Так, чтобы он пошел за тобой, привлечь внимание. Если он не увидит, кто освободил раба, то ничего сделать не сможет.

– Как это – глазки построить? – растерялась Кота.

– Ох, девочка, – схватился за голову суровый воин. – Никак не думал, что женщину нужно учить подобным вещам! Ну... подмигни что ли, пальчиком помани... там, пуговку расстегни...

– Попробую, – задумчиво протянула Кота, обдумывая задание. – А что, если он не пойдет?

– Надо сделать так, чтобы пошел, – строго наказал Ломлес.

– Надо – сделаем, – беззаботно пропела Кота. Ее вдруг охватило воодушевление, ведь это первая возможность проявить себя, доказать всем, что она уже не ребенок.

Оглядевшись, Кота задумчиво обошла вокруг небольшого возвышения, на котором расположились знатные вельможи и соседние харцы, наблюдающие за боем. Юркий мужичок сновал среди них, собирая звонкие монеты. Тот, кого надо было отвлечь, и так почти не смотрел на площадку с песком, поскольку «петух» попеременно бросал жадные взгляды то на деньги гостей, то на декольте их спутниц.

Кота откинула капюшон, попыталась пятерней причесать колтуны черных волос, ослабила шнуровку жилетки, расстегнула верхние пуговицы рубахи, почти оголяя грудь. Один из мужчин на помосте округлил глаза, перегнувшись через перила, и, потеряв равновесие, рухнул в толпу простолюдинов. Кота смущенно

кашлянула, видимо, перестаралась, и застегнула пару пуговиц. Но даже оставшегося декольте было достаточно, чтобы отвлечь внимание вельмож от борьбы.

– Ой, смотри, какая красotka! – воскликнул один.

– Да она же – локки, – поморщился сосед, с опаской глядя на Коту.

– Да хоть степная ведунья! – восхищенно отозвался первый. – Она прекрасна! Пусть меня заколдует...

«Петух» озирался в поисках той, кому предназначались лестные слова. Нашарив в толпе локки, вытаращил белесые глаза и медленно залился краской. Кота усмехнулась и подмигнула. Мужчина сглотнул и огляделся в поисках везунчика, но все вокруг смотрели на него самого. С долей зависти, что на разодетого прохиндея обратила внимание такая красавица, пусть и опасная.

«Что там дальше, по плану», – судорожно вспоминала Кота, которой удалось привлечь внимание хозяина раба. – «Ах, да! Поманить».

Она подняла руку и, медленно отставив пальчик, кокетливо поманила «петуха». На память неожиданно пришли слова Лая о женских ножках, Кота поставила носок сапога на лавочку, бесцеремонно спихнув с нее грязного простолюдина, откинула плащ за спину, показывая стройное бедро, обтянутое темной тканью. С помоста раздался зазывный свист. Дамы, все как одна, достали веера и принялись остервенело ими обмахиваться, ревниво глядя на соперницу. Увы, они ничего не могли противопоставить локки в облегающих брючках.

Кота еще раз подмигнула «петуху» – тот уже побагровел, – и, развернувшись, медленно двинулась в сторону палаток. Она не оглядывалась, чувствуя, что мужчина наверняка пойдет следом.

– Веди его к тому проходу, – шепнул Авес, наблюдая, как хозяин раба чуть ли не кувырком скатывается по лестнице, стараясь не упустить Коту из вида.

Девушка убыстрила шаг, пробираясь в толпе. Хозяину было еще сложнее, ведь ему, в отличие от локки, дорогу не уступали. Так что Кота первой добралась до

прохода, в котором не так давно столкнулась с Лаем, терпеливо дождалась, пока «петух» увидит ее, снова поманила пальчиком, и скрылась между палаток.

Небольшая площадка была пустынна. О нескладном юноше напоминало лишь темное смердящее гарью пятно на земле. Кота застегнула скользкие пуговики и зашнуровала жилет, выпустив поверх шикарное жабо. В коридорчике мелькнул фиолетовый камзол заманиваемой дичи. Кота усмехнулась яркому сочетанию. Охваченный страстью мужчина принял ужимку за призывную улыбку и бросился к ней, но был тут же перехвачен железной хваткой сурового Ломлеса. Следом появился Уварос и хитро подмигнул.

– Какая ты у нас оказывается роковая, сестричка! Кто бы мог подумать.

Кота в ответ лишь фыркнула. «Петух» извивался и бросал испуганные взгляды на Коту и Увароса. Он бы и на Ломлеса смотрел, но не мог развернуться в сильных руках.

– Что такое? – пропищал он осипшим от страха голосом. – Что вы хотите со мной сделать?

– То же, что ты хотел сделать с нашей сестричкой, проказник, – иронично сощурился Уварос. Мужчина смертельно побледнел и затих, изобразив обморок.

Ломлес покачал головой, пытаясь пристыдить разошедшегося брата.

– А я что? – обезоруживающе улыбнулся Уварос, убирая с лица прядь волос. – Ведь все равно отпустить нельзя, он видел нас. Да и раб, возможно, пожелает отомстить своему обидчику.

– И то верно, – пробурчал Ломлес, оглушив пленного рукоятью меча. «Петух» обмяк. Воин завернул бесчувственное тело в плащ и закинул «мешок» на плечо.

Они осторожно выбрались из-за палаток, выглядывая в толпе остальных братьев. Люди на площади словно обезумели. Народ разбежался, кто куда. Крики «Слуги Мороса!», стоны задавленных, нескончаемый визг дам, – благородных и не совсем. Кота удивленно наблюдала за беснованием толпы, сама прижавшись к стене. Тут как всегда, как из-под земли, вырос бесстрастный Авес.

– Он у нас, все уже двигаются к воротам.

– Удачно посеяли панику, – одобрительно кивнул Ломлес. – Слуги Мороса – беспроницательный вариант.

– Ага, человеческие суеверия нам на руку – кивнул Авес и нахмурился. – Нужно поторопиться!

– Да, стража не дремлет, – согласился Уварос. – Скоро всех успокоят.

– Не это, – отмахнулся Авес. – Прошел слух, что харц вернулся с охоты.

– Как бы охота не продолжилась в его замке, – проворчал Ломлес, беспокойно поглядывая на Коту: – Накинь капюшон, детка. И быстро следуй за нами.

Детка! Ну, вот, как соблазнять всяких франтов – так взрослая, а в остальное время – дитя. Кота угрюмо последовала за Ломлесом, размышляя о несправедливости жизни. Но, потеряв из виду спину брата, вздрогнула и огляделась. Крики стихли. На площади царила почти мертвая тишина. Привыкнув к свободному перемещению, она не сразу сообразила, что широкая дорога – это не просто испуганные магом горожане, а расступившиеся перед харцем подданные.

Ржание, резкий удар. Кота, схватившись за ушибленную ногу, застонала и глянула вверх. Она только что чуть не попала под копыта могучего жеребца. В самый последний момент светловолосый мужчина с циничным взглядом серых глаз натянул вожжи. Конь поднялся на дыбы, больно стукнув Коту подковой по колену.

– У локки что – девять жизней? – раздраженно уточнил харц, свысока глянув на скорчившуюся девушку. – Прочь с дороги, Морос тебя побери! Не хватало еще, чтобы харц уступал дорогу сопляку!

Из толпы появился молчаливый Авес. Опустив лицо, он легко поднял сестру на руки и отнес в сторону. Харц же продолжил процессию, как и сопровождающая его свита.

– Ты что, с ума сошла? – зашипел на девушку Уварос. – Мало того, что чуть не убила, так еще бы и...

Но парень не договорил, получив чувствительный тычок от хмурого Ломлеса, на плече у которого по-прежнему болталось тело несчастливой поклонницы Коты. Уварос погрозил удаляющейся спине брата и пробурчал себе под нос:

– Хорошо, хоть харц девочку за ученика локки принял. А то утащил бы в замок... разыскивай потом...

– Идти сможешь? – тихо уточнил Авес, разминая колено сестры.

Кота ступила на больную ногу, чуть не вскрикнула, но, сжав зубы, сдержалась, и осторожно кивнула.

– Только если не очень быстро, – прошептала она и незаметно смахнула выступившие слезы.

Подошел невысокий Ковес, на поводу он вел послушного Колта. На коне сидел некто, закутанный в плащ с головой. Кронос шел последним, распугивая своей «очаровательной» улыбкой любопытствующих зевак. Уварос подхватил Коту под левую руку, Авес поддержал ее с другой стороны. У ворот произошла небольшая заминка, поскольку стража заинтересовалась подозрительной ношей Ломлеса.

– Перебрал самогонки, – тут же подскочил улыбающийся Уварос, бросив Коту на Авеса. Он подмигнул нахмуренному стражнику и сунул что-то тому в ладонь: – Да к одной знатной даме целоваться полез. А это оказалась харцесса из замка Лош. Ее муж проявил весьма бурное недовольство... а затем его воины. Половину лица в кашу – девки теперь совсем любить не будут. Ничего, к утру очухается, горе-любовник!

Стражник понимающе усмехнулся, поспешно сунул руку в карман и махнул рукой, пропуская группу людей. За городской стеной Ломлес не пошел по старой дороге, а сразу свернул в сторону леса, обходя замок стороной. Там, на берегу быстрой Ори, небрежно сбросил ношу и подождал остальных. Ковес аккуратно помог укрытому плащом незнакомцу спуститься на землю.

Кота с любопытством подхромала поближе, отпихнула требующего внимания Колта и плюхнулась на сырую землю рядом. Воин с ярмарки отбросил капюшон и с благодарностью посмотрел на братьев.

– Я ваш должник, – глубоким голосом произнес он, откидывая с небритого лица сальные сосульки волос неопределенного цвета. – Спасибо, что выручили.

– И как ты мог попасться? – негодуя вскричал Кродос, встревожив стайку лесных птиц с ближайшего деревца. – Солдес узнает...

– Не говорите ему, – торопливо отозвался незнакомец. – Я все сам исправлю. Врадеса тут нет?

– На твое счастье, – проворчал хмурый Ломлес, разматывая пленника. – Вот тебе подарочек, делай с ним, что хочешь. Только в живых не оставляй. Такие не тонут! – Он презрительно поморщился, словно от «петуха» пахло не дорогими лосьонами, а прелым навозом.

Мужчина не ответил, только хищно осклабился. Потом стянул с себя кожаные штаны и скользнул по крутому берегу к холодным водам, чтобы смыть смесь пота и пыли, щедро облепившие жилистое тело.

– Пстой!

Авес достал меч и кинжал и медленно спустился следом.

Кота с любопытством вытянула шею, наблюдая за происходящим. Но брат и не думал убивать незнакомца. Приблизившись, он искусно поддел кинжалом пластину на кованом ошейнике и одним ударом рукояти меча сбил устрашающее украшение. На шее бывшего раба девушка разглядела кровоточащие раны. Авес махнул рукой в сторону реки.

– Иди.

Тот осторожно коснулся царапин, поморщился от боли, потом благодарно кивнул и вошел в воду.

Пока освобожденный мылся, Ломлес успел стянуть с вельможи всю одежду. Кота с презрением посмотрела на вялое тело, кривые ноги и вздутый живот – точно человек проглотил ведро воды. После подтянутых тел братьев, это недоразумение показалось ей верхом уродства.

Незнакомец, сопровождаемый молчаливым Авесом, поднялся к Ломлесу и протянул руку с намерением взять красные брюки вельможи, но тут натолкнулся взглядом на Коту. Вздрыгнул, будто бы только что увидел ее.

– Эта здесь зачем? – напряженно спросил он.

– Это Кота, наша сестра, – спокойно ответил ему Авес.

– Локки в стае?! – ужаснулся бывший раб.

Ломлес посмотрел на него, как на тяжелобольного.

– Ты в своем уме? – уточнил он. – Кота не локки, она просто так оделась. У тебя что, напрочь нюх отбило? И, кстати, девчушка спасла тебя, непутевого. Отвлекла этого.

Ломлес пнул все еще бесчувственного «петуха».

– Он же не сумасшедший, – подозрительно покосился на девушку незнакомец, – локки бы не стала проявлять внимание к простому человеку. А если стала бы, так все равно по каким-то своим делам...

– Не все это ведают, – улыбнулся Кродос. Коте показалось, что бывший раб покосился на шрам русоволосого брата с виноватым видом. – А знать харца и подавно. Они давно сидят в своем замке, как огурцы в кадке. Выбираются разве что на охоту, а магов видят раз в жизни, да и то – таких вот, как Кота.

– Очень похожа на локки, – упрямо возразил мужчина, натягивая красные штаны и рубаху вельможи. – Волосы черные и... глаза! Вон как сияют.

– Смотри, не влюбись, – хохотнул Кродос, подмигнув. – Она у нас девка резвая, загоняет до смерти. Ты ведь давно не обращался?

– Как я это сделаю? – огрызнулся тот, с отвращением натягивая фиолетовый камзол. – Я даже проверить не могу, при мне ли сила. Сунусь к вам – Врадес тихонько прирежет где-нибудь под кустом. А другим стаям чужаки без надобности.

– Много воды утекло с тех пор, Мотас, – тихо произнес Ломлес, резким ударом отправляя застонавшего пленника обратно в бесчувственное состояние. Пнув вялое тело, чтобы проверить результат, удовлетворенно кивнул и принялся натягивать на вельможу кожаные брюки. Закончив, жестом подозвал Авеса, терпеливо ожидающего в стороне с ошейником в руках: – Может, стоит поговорить с Солдесом? Боги могли уже сменить гнев на милость.

– Боги – да, – мрачно ответил Мотас. – Врадес – никогда. Возможно, он и простит меня... когда моя шкура будет служить ковриком у порога его норы.

– Кота, – мягко позвал сестру Авес.

Девушка растерянно моргнула и закрыла рот. Оказывается, она весь разговор сидела неподвижно, стараясь не пропустить ни слова. Что такого, интересно, сделал Врадесу этот маленький человечек, за что его выгнали из стаи? И как он жил, не имея возможности быть собой? С тех пор, как Кота обратилась и впервые пробежалась по лесу в волчьем облике, она словно только начала жить. И не могла представить, что в один прекрасный день не сможет ощутить, как ветер играет с коротким серым мехом, как запахи леса рассказывают множество удивительных историй из жизни самых разных зверей и птиц, как бьется в предсмертных судорогах добыча, в которую с наслаждением вонзаются зубы...

Девушка судорожно сглотнула и поглядела на Мотаса с жалостью. Затем неторопливо подошла к Авесу. Тот склонился над бесчувственным пленником, прилаживая к тонкой шее чудовищный ошейник.

– Смотри, Кота, – тихо обратился к ней брат. – Это – ошейник локки. Некоторые очень любят пользоваться такими вот штучками. Магии, конечно же, здесь нет. Но есть определенные секреты, которые сами изготовители тщательно берегут, выдавая за волшебство. В народе считается, что этот ошейник маг надевает раз и навсегда, что снять его невозможно. Мол, нет у него ни начала, ни конца – замкнутый круг.

– А зачем локки одевают его? – с отвращением спросила Кота, наблюдая за ловкими руками Авеса.

– В основном, чтобы унижить врага, – равнодушно отозвался он, поднимая взгляд на сестру. – Вот одному попался Мотас. Победить локки без силы стаи Мотас, конечно же, не смог, да и глупо было пытаться. А тому убивать хорошего воина было бы расточительством. Локки щедростью не отличаются... в отличие от некоторых.

– Почему маг его не убил? – Кота смотрела во все глаза. Сейчас открывалась другая сторона жизни стаи. А может, теперь и ее жизни. Неизвестная пока, теневая, но такая привлекательная своей тайной и опасностью.

– Некоторые жадны до денег, – пожал плечами Авес. – Деньги – это тоже власть. Глупо убивать то, что можно очень выгодно продать. И противнику будет в сто раз хуже, чем просто смерть. Мы все – воины, а на этом можно сыграть, например, в любимую игру вельмож. Двое противников бьются насмерть. Причем, такой козырь, как Мотаса, открывать сразу нельзя. Никто не станет ставить деньги, если узнает, кто он. Поэтому брата придерживали за ошейник, чтобы не убивал рабов слишком быстро...

– Это ужасно! – У Коты перехватило дыхание. – А если бы он отказался убивать других?

– Ошейник сконструирован особым образом, – Авес поднял брови и склонил сестру лицом к самым зубьям. – Вот видишь, он не идеально круглый? Тянуть за цепь можно различным образом. Шипы будут впиваться в различные точки на шее. Какие-то предназначены для притупления восприятия, какие-то – для причинения невыносимой боли. Причем, боль постоянно нарастает каждый раз при давлении шипов. Многие, кто послабее, сходят с ума. Они уже согласны на все в таком состоянии. Судя по ранам на шее Мотаса, он долго держался. Но даже мы порой не способны противостоять изощренным пыткам.

– Чудовищное изобретение! Зачем ты мне все это рассказываешь? – осторожно уточнила Кота, глядя, как Авес прилаживает ошейник к шее вельможи.

– Чтобы ты знала – это не смертельно, – тихо ответил брат. – Ошейник может причинить боль, притупить восприятие, ограничить в движениях. Но он не способен убить. И, – Авес вдруг хитро сощурился, – его можно снять. Только для этого нужно воспользоваться посторонней помощью или зеркалом. Вот, смотри – я одел ошейник. На первый взгляд, открыть его невозможно, каждое движение будет причинять боль. Но, вот здесь, видишь, небольшое углубление? Вставляешь сюда тонкое лезвие, вот так, – брат поддел кинжалом небольшую выемку, чуть ударив по рукояти мечом в определенном направлении, – четкое движение, и вот – ошейник снят!

– Вроде, просто, – с сомнением протянула Кота, – в твоих руках...

– На, попробуй сама, – Авес протянул меч и кинжал. – Сначала закрой.

Кота сглотнула и осторожно приладила ошейник к тощей шее бывшего поклонника. Мужчина вздрогнул и открыл глаза, с ужасом уставившись прямо на нее. Девушка замерла от неожиданности, но Авес спокойно взял меч и ударил вельможу рукоятью в висок. Тот снова обмяк, а Авес призвал сестру не отвлекаться на пустяки. Кота дрожащими руками пыталась вставить кинжал в нужную выемку, но тот все время съезжал, дергая ошейник. Из ран, которые оставляли в белой коже впивающиеся при каждой неудаче острые шипы, струйками сочилась кровь. Это отвлекало и нервировало. Но Авес был чрезвычайно настойчив, каждый раз призывая сосредоточиться. Щелчок, и Кота с облегчением откинулась, выронив кинжал из взмокшей от пота ладони.

– Ты только что научилась делать невозможное, – довольно улыбнулся Авес. – На это нужна точность и внимательность. Среди стаи только я могу открывать ошейники локки, теперь это можешь делать и ты. И в народе вполне можешь называться магом, потому, что все считают – лишь они способны на такие чудеса. Застегни, справедливость должна восторжествовать, пусть теперь он попробует на своей шее, каково это – быть рабом.

– А его не узнают? – удивленно спросила девушка. – Он же богатый вельможа, приближенный харца.

– Он – раб, – жестко ухмыльнулся Авес, поразив Коту неожиданной вспышкой злости. – В таком ошейнике – он только жалкий раб, что бы ни кричал при этом. Никто не поверит словам закованного. Очень удобно, не считаешь?

И Авес, вернув физиономии вечно-безмятежное выражение, поднялся и кинул конец цепи в руки Мотасу. Кота, стараясь больше не глядеть на пленника, торопливо отошла в сторону. Мотас закрутил цепь вокруг кисти и мрачно посмотрел на девушку.

– Баба в стае! – он смачно сплюнул. – Дожили! И как вы ее терпите? Удивительно, что Врадес не слопал ее еще в младенчестве, он же ненавидит женщин.

– В этом вы с ним всегда находили общий язык, – мрачно пробормотал Кродос, недобро глядя на бывшего брата. – Но вот тебе новость. Он сам притащил девчонку в стаю с жертвенного камня. Они с Солдесом носятся с ней, как с больным щенком. Врадес даже стал ее наставником.

Мотас выглядел так, как будто на него снова надели ошейник, и тот полностью обездвижил свою жертву. Кота усмехнулась и взглянула на бывшего раба свысока. От нее не укрылось, что тот просто-напросто ревнует. Ведь его выгнали, а какая-то сопливая девчонка заняла место бывшего воина.

– Тебе с нами нельзя, – тихо проговорил Ломлес, смерив Коту язвительным взглядом. – Если, конечно, ты не намерен покончить с жизнью прямо сейчас. Врадес в поселке, а Солдес отлучился. Бери раба, вот тебе деньги, – мужчина кинул брату звякнувший мешочек. – И уходи.

– Я слаб, – потоптавшись на месте, произнес мужчина. Исподлобья взглянув на братьев, попросил: – Отдайте коня, а то я не унесу раба далеко. Убивать пока не хочу – пусть сначала сполна получит то, чего я натерпелся!

– Колта? – хихикнул Ковес, тряхнув рыжими волосами. – Да Чилва с нас три шкуры сдерет за своего любимца. Да и Кота не согласится.

– Пусть берет, – неожиданно для себя произнесла девушка. Немного подумав, кивнула: – Да, пусть забирает. Все равно Колт больше простаивает, раз в год до города Чилву довезет и снова бродит по лесу, как неприкаянный.

– Считаю, что у тебя сегодня день рождения, – хлопнул брата по плечу ослабевшийся Кродос. – И подарков куча. Так распорядись ими верно. Не связывайся больше с локки, – без силы это самоубийство. Живи своей жизнью.

Мотас неловко потоптался на месте, пока Уварос с Ковесом забрасывали тело раба на Колта. Он исподлобья смотрел на Коту, не решаясь что-то сказать.

– Что? – неприязненно спросила Кота, не выдержав первой.

– Я не привык быть обязанным, – сквозь зубы пробормотал Мотас, метнув такой взгляд, как будто это она истязала его ошейником. – Тем более бабе!

– Привыкай, – ошетилилась Кота.

– «Спасибо» ты от меня не дождешься, – словно не расслышав, продолжал Мотас. Чуть поколебавшись, бросил на землю предмет, блеснувший в лучах заходящего солнца: – Пусть вот это будет платой за помощь и за коня.

Не глядя на братьев, изгой вскочил в седло и с силой вонзил пятки в бока Колта. Жеребец, не привыкший к такому обращению, поднялся на дыбы и, заржав, бросился в галоп по берегу Ори.

Авес осторожно склонился над предметом.

– Что там? – полюбопытствовала Кота и, опустившись рядом, подняла из травы прощальный подарок.

Парень неопределенно хмыкнул.

– А я думал, он безвозвратно утрачен, – удивленно сказал он, разглядывая блестящую железку в руках сестры. – Так вот почему Врадес так обозлился на Мотаса! Все, как обычно, гораздо проще, чем кажется...

Глава 4

Авес, хитро поглядывая на вытянувшиеся лица братьев, потянул ее за руку вверх, осторожно, боясь самому прикоснуться к таинственному предмету. Кота удивленно смотрела на небольшой медальон. Короткая тонкая цепочка ужом

соскользнула меж пальцев и сиротливо качнулась. Продолговатый предмет на ладони был сделан из желтоватого блестящего металла, немного похожего на кривые монетки. В середине рисунок напоминал волчий глаз. На месте зрачка сверкал острыми гранями камень непрозрачного черного цвета.

– Сердце клана! – ахнул Кродос.

– Вот прохиндей! – пробормотал Уварос, жадным взглядом буравя ладонь сестры. – Оказывается, Мотас добыл камень!

– Дай сюда! – грозно приказал Ломлес, мрачно наблюдая, как все сгрудились вокруг Сердца. Кота вздрогнула и неохотно протянула кулон, но старый воин неожиданно отшатнулся: – Нет! Нельзя...

Кота растерянno покрутила украшение и погладила пальцем красивый камешек. Грани приятно покалывали кожу. Мужчины замороженно следили за каждым движением. Чуть поежившись под напряженными взглядами, девушка поспешно нацепила подарок на шею. Кулон покачался и замер в ложбинке меж грудей.

– Что чувствуешь? – звенящим от волнения голосом спросил Ковес, нервно потряхнув рыжими кудрями.

– А что я должна чувствовать? – насторожилась Кота, прислушиваясь к ощущениям. – Ничего вроде особенного...

Братья вздохнули, как ей показалось, несколько разочарованно. Авес мгновенно потерял интерес, отошел и нагнулся, подбирая оружие с земли. Кродос сплюнул и отвернулся. Загорелый Уварос захохотал и махнул рукой.

– Пойдем! Скоро стемнеет! – и направился в сторону леса.

– А что?.. – начала было Кота, но никто не слушал. Еще мгновение назад глаза мужчин горели жадной и почти благоговением, а теперь это растаяло без следа. Что она сделала не так? Почему все ведут себя, словно она в чем-то провинилась? – Ломлес! – умоляюще воскликнула она.

– Идем, Кота, – через силу улыбнулся суровый воин, неловко погладив сестру по голове. – Такой насыщенный день, надо отдохнуть.

– Но... – почти простонала Кота, чуть не плача.

– Помолчи, – он поморщился, как от боли, и направился следом за другими.

Темнота сгущалась. Коте казалось, что лес тоже укоряет ее в чем-то. Прямые спины молчаливо шагающих братьев угнетали, она чувствовала себя и обиженной, и возмущенной... и в то же время некая тайна щекотала любопытство. Коснувшись кулона, ощутила, как железка нагрелась от человеческого тепла. Интересно, почему цепь такая короткая? Кота с трудом продела голову. А вот другой вряд ли смог повесить Сердце клана себе на шею. И Мотас не носил его на груди, она помнила его голый торс... Где же изгнанник прятал украшение?

Дорога домой отняла намного меньше времени, чем утренний поход в замок харца. Хотя, возможно, что Кота просто так задумалась, что не заметила, как они вернулись в селение. Уже совсем стемнело, звезды ярко подмигивали с мрачного небосвода. Близились полночь.

На небольшой круглой площадке, окаймленной землянками общины, весело трещал танцующий огонек. Врадес, поджидая, лениво подбрасывал сухие ветки. Приметив братьев, он обрадованно вскочил. Наверное, скучно было целый день в обществе Чилвы. Но, завидев Коту, вздрогнул и в следующее мгновение уже бросился вперед, выхватывая острый меч. Девушка оторопело смотрела, как сверкнувшее в свете огня лезвие стремительно приближается... и улетает в кусты. Ломлес в последний момент выбил меч из рук взбешенного воина. Высокий Кродос кинулся в ноги нападающему, Уварос запрыгнул сверху, валя брата с ног.

Убедившись, что противник не сопротивляется, Уварос, откинув с лица светлые волосы, чуть приподнялся и изумленно посмотрел в синие глаза.

– Ты чего, корни алги в костерок подбрасывал? Или к селяночкам давно не ходил, что на женщин уже бросаешься?..

– Кота? – хрипло переспросил Врадес, с трудом поднимаясь. – Чего ты так вырядилась?

– Так удобнее, – едва дыша от страха, прошептала девушка. Казалось, что звериный оскал ярости, исказивший до неузнаваемости лицо мужчины, будет преследовать ее вечно.

– А, – уже более спокойно ответил брат, – понятно. Так действительно удобнее... быстрее довести меня до бешенства. Что же, браво, сестричка, получилось. А вы тоже умно поступили – разрешить девчонке ходить в одеждах локки!

– Коте не нужно теперь разрешение, – кисло усмехнулся Ломлес, нашаривая в кустах улетевший меч, – шакти может позволить себе все, что угодно...

– У нее Сердце клана, – тихо добавил Авес.

– Сердце? – Врадес сильно побледнел и схватил съежившуюся от ужаса Коту.

Взгляд его, блеснувший красным волчьим отблеском, нашарил в складках жабо золотистый амулет. Заскрежетав зубами, Врадес сильнее сжал девушку. Уже казалось, что воин просто ломает ее, точно высохшее деревце. Но сама Кота не чувствовала боли. Расширившимися от ужаса глазами она, не отрываясь, смотрела на исказившееся лицо брата. Даже минуту назад оно больше походило на человеческое. Зверь, просто безумный убийца...

– Отпусти девчонку, – понимающе улыбаясь, Кродос мягко похлопал брата по плечу. – Она не виновата, что Сердце пришло именно к ней.

Врадес засопел, прикрыл волчьи глаза и медленно разжал пальцы. Кота выскользнула из мертвой хватки и осела на землю, потирая затекшие плечи. Она не удивится, обнаружив там обширные синяки. Лишь бы кости были целы! Что же представляет собой это украшение, которое отвернуло от нее лица братьев, а Врадеса вообще чуть не довело до безумия?

Кродос осторожно повел того в сторону землянки. Кота зачарованно проводила их взглядом. Плечи Врадеса опустились, спина ссутулилась, сильные руки болтались, как пеньковые веревки... Ломлес молча положил меч около костра и,

пряча взгляд, поспешно ретировался в свою нору. Когда разошлись остальные, Кота не успела заметить. Она сидела около весело мерцающего огня и растерянно озиралась по сторонам. В поселении стало невероятно тихо, словно все затаились. Горько вздохнув, девушка прикрыла костер старым котелком и медленно поплелась в сторону своей землянки.

После насыщенного событиями, невероятно странного дня, хотелось только одного – поскорее забыть весь этот кошмар. Скинув плащ, девушка без сил упала на грудь шкур и забылась тяжелым тревожным сном. Впервые за долгие годы она уснула ночью.

Проснувшись она от глухого звука, как будто упало что-то тяжелое. Сон слетел мгновенно. Что случилось? Сколько она проспала? Чуткий нюх уловил легкий аромат росы и резкий тошнотворный запах. Значит, уже почти утро. Но что так странно пахнет? В следующее мгновение в ее землянку ввалилось что-то огромное. Неловко скатившись по небольшому спуску, гость почти навалился на девушку. Испуганно вскрикнув, Кота попыталась вырваться, но сильная ладонь сжала рот.

– Ш-ш-ш, – прошипел мужчина и пахнул на нее таким смрадом, что Кота почти потеряла сознание. Жаль, что ладонь не закрыла и нос.

Покачнувшись, пришелец убрал руку. Но, чтобы попытаться удержаться на месте, тут же облокотился о коленку девушки.

– Врадес?! – изумленно прохрипела Кота. – Что с тобой? Что за странный запах? Ты ранен? Ты заболел?..

– Ш-ш-ш, – ладонь вновь метнулась к лицу Коты, но мужчина не рассчитал силы и залепил сестре пощечину.

Вновь покачнувшись, он ухватился за ворот белоснежной рубашки девушки. С трудом сфокусировав взгляд на кулоне, истерически расхохотался. Не выдержав, ткань треснула. Врадес упал на спину, держа в руке пышный ворох тряпок, похожий на цветок, – все, что осталось от красивого жабо.

– Уварос, видимо, был прав – он обкурился алги! – испуганно прошипела девушка и нащупала за спиной острый кинжал. Если брат вновь попытается ее убить, она

хотя бы постарается защититься. О том, чтобы спастись, не было и речи, ведь Кота прекрасно знала, насколько он опасен, как противник.

– Что-то вроде, – неожиданно добродушно хмыкнул Врадес, усаживаясь на полу и отчаянно тряся головой. Пепельные волосы грязными клочьями старой пакли легли на лицо. – Огненная вода селян оказывает странное воздействие... но хотя бы отгоняет воспоминания. Хи! Так ты действительно отхватила Сердце клана? Глупая соплячка!

– А, – поняла Кота, еще немного отступая от пьяного брата, – вот в чем дело! Кродос рассказывал об этой гадости, превращающей даже лучших воинов в беспомощных свиней...

– Дура, – просто ответил Врадес. – Чтобы сделать беспомощным меня, ведра этой мерзости маловато...

– Дура? – обиженно повторила Кота. Как бы раньше не обзывался брат, произносить подобные слова все же считал ниже своего достоинства.

– Конечно, – с удовольствием подтвердил он. – Была бы умная, держалась бы от этой железки подальше! Дай ее мне! – Врадес качнулся вперед и повалился в ноги сестры.

Взвизгнув, та метнулась к выходу, перепрыгивая через распластавшегося мужчину. Но он и не пытался догонять. Убедившись в этом, Кота остановилась и осторожно заглянула внутрь землянки. Врадес лежал в том же положении, а через секунду до слуха девушки донесся мощный храп.

– Ты в порядке?

Кота испуганно взвилась, но, увидев голубоглазого Кродоса, нервно рассмеялась. Брат был совершенно трезв и смотрел с тревогой.

– Более-менее, – она неожиданно почувствовала слабость в ногах и прислонилась к насыпи. – Что-то неладное творится с Врадесом. Он хотел забрать кулон, но заснул...

– После ведра самого вонючего пойла селян я рассчитывал, что он заснет прямо на месте. Но стоило отвлечься, как пройдоха тут же сбежал. Я сразу понял, что он пошел к тебе, – осуждающе качнув русой головой, Кродос бережно поддержал сестру и помог дойти до гладкого бревнышка. – Но он все равно не забрал бы Сердце клана. Просто не смог бы...

Усадив ее, отбросил старый котелок в сторону и, согнувшись в три погибели, быстро раздул тлеющие угли, подбросив в разгорающийся костер несколько сухих веток. Кота зябко поежилась, пережитый страх дал о себе знать.

– Почему все ведут себя так... странно? – чуть не плача, прошептала она. – Что такого в этом ершистом кулоне? Если все так недовольны, что Сердце досталось мне, пусть кто-нибудь его заберет, мне не жалко!

Сорвавшись, заревела в голос и уткнулась в ладошки, пряча лицо. Кродос неповоротливо опустил рядом и успокаивающе погладил сгорбившуюся спину сестры.

– Тебе тяжело, понимаю, – проникновенно проговорил он. – Я объясню. Сердце клана хотел бы иметь каждый из нас. Да что там, хранителем мечтает стать воин из любой стаи! Это великий дар! И великое проклятие.

– Проклятие? – насторожилась Кота, приподнявшись.

– Хранители не отличаются длинной и счастливой жизнью, – грустно улыбнулся голубоглазый парень. – Особенно, в последнее время. Редко кто протянул больше пяти лет...

Сердце облилось кровью, дыхание перехватило. Так она умрет? Слезы мгновенно высохли, Кота мелко затряслась от страха.

– Но я не хочу умирать, – еле вымолвила она помертвевшими губами.

– Никто из нас не хочет, чтобы ты умирала, – покачал головой Кродос. – Ломлес даже чуть не нарушил традицию, хотел забрать страшный талисман себе. Но никто из нас не имеет право это делать – Мотас передал сердце тебе...

– А если я так же передам его кому-нибудь? – с надеждой спросила Кота, глядя на брата снизу вверх. – Ты говоришь, что каждый мечтает его носить...

– Мотас не был хранителем, – с отвращением сплюнул Кродос. – Кишка тонка! Он так и не примерил кулон.

– Так почему вы позволили мне надеть сердце? – чуть не вскричала Кота. – Почему не остановили?

Он тряхнул русой головой и пристально посмотрел на сестру.

– Втайне каждый надеялся, что ты окажешься той самой...

– Самой... кем? – растерялась девушка.

Кродос тяжело вздохнул и пересел на землю, опершись спиной о бревно. Лица их оказались на одном уровне. Рассеянно подкинул в затухающий костерок пару веток и посмотрел на светлеющее небо.

– Когда-то, – с трудом начал он, словно преодолевая жгучее желание ничего не рассказывать, – существовал древний клан солнечных волчиц. Все стаи подчинялись ему. И испытание давали именно избранные. Волчицы были особенными... полными таинственной силы. – Он обжег сестру холодным взглядом голубых глаз. – Непостижимой, древней силы... доступной лишь женщинам. Да, Кота, клан состоял исключительно из волчиц, как остальные стаи – только из волков, воинов. Ты стала исключением впервые за много лет, я до сих пор не верю, что такое возможно. Мы надеялись, что Сердце клана выберет тебя, как продолжательницу рода... и боги могли дать тебе имя Шактир. Раньше властительницей становилась девочка, рожденная от солнечной волчицы из клана. Увы, Сердце не открылось тебе. Ты – только шакти...

Он помолчал, собираясь с духом, а Кота затаила дыхание, не в силах выдержать паузы. Дрожащими руками сжала кулон на груди. И не понимала, Сердце ли пульсирует в ладонях или это оживает древняя легенда.

– Локки, – горько проронил Кродос. Скривившись, пошевелил палкой угли: – Они не могли смириться с силой клана. Ведь он мог бы и всех магов со свету сжечь.

Властительницы, не церемонясь, часто вмешивались в темные делишки локки, назначая испытания для щенков. Каждый такой случай маги считали плевым в их сторону. Клану в то время не было дела до зарвавшихся колдунов, древний закон давал право на жизнь всякой твари. Но маги такого права властителям не дали. Гнусная, тайная травля представительниц древнего рода продолжалась долгое время. И вот, когда прямая наследница осталась только одна, маги объединились и принялись выслеживать девочку еще яростнее...

Кродос тяжело дышал, не отрывая от огня взгляда. Зрачки голубых глаз расширились, лицо перекосила гримаса. Он словно воочию видел сейчас события прошлого. Кота вздрогнула, подумав, что он и сам участвовал в них.

– Мы с Врадесом были совсем щенками, – подтвердил брат догадку девушки. – Испытанием боги назначили охранять одинокую солнечную волчицу. – Кота вдруг вспомнила утренний разговор Солдеса с Врадесом и мелко задрожала. – Среди магов был один... Локк! Невероятно сильный. Он мог превращаться в волка. И он преследовал шакти. Нас заманили в ловушку. Сразу несколько магов напали одновременно... – Кродос мрачно усмехнулся и задумчиво провел пальцем по шраму. – Я бросился на нападавших, чтобы отвлечь от Вии. Думал, Врадес успеет увести ее в безопасное место. Но локки оказались сильнее. Потом пронесся слух, что Вия погибла. Но забрала с собой в гости к Моросу и Локка. А вот Сердце бесследно исчезло...

– А Врадес выжил, – закончила за брата Кота. – И до сих пор корит себя за то, что не смог спасти девушку...

Кродос пронзительно посмотрел на сестру. Кота с удивлением заметила в голубых глазах слезы.

– Они любили друг друга, – отрывисто произнес он и ударил кулаком по бревну. Кота вскочила и зачарованно проследила, как гладкое дерево разваливается на части. – Солнечная волчица носила под сердцем щенка Врадеса...

– А... Мотас? – робко спросила девушка. – Я так поняла, что он тоже участвовал в этом.

– Не совсем, – мрачно буркнул Кродос. – Боги отвернулись от Мотаса, потому что он предал род шакти. Выдал Локку место, где мы прятали Шактир. По глупости

своей... Брат был чересчур горяч, но недостаточно умен. Чем Локк и воспользовался.

Он резко поднялся и, отвернувшись, тихо сказал:

– Ты теперь шакти. Ни снять, ни передать Сердце клана, пока жива, невозможно... разве что только другой шакти. Но они все погибли. Локки будут охотиться за тобой. Испытание близится. Ничего не происходит просто так, видимо, тебе суждено прикоснуться к древней тайне. А мы постараемся сделать все зависящее, чтобы ты осталась жива как можно дольше, – Кродос вздохнул и бросил: – Мне жаль...

Ссутулившись, словно под грузом тяжелых воспоминаний, он пошел к землянке. Кота проследила взглядом за удаляющейся фигурой брата. Она была растеряна, испугана, встревожена и... зачарована. Старая, почти забытая легенда коснулась ее. Кота судорожно сжала кулон. Как много он значит для Врадеса... как много он значит для стаи!

Рассвет легонько коснулся нитки горизонта. Скоро братья направятся к камню. Нет, она не может сегодня идти с ними, слишком много эмоций бушует сейчас в девичьей душе. А еще... она вряд ли сможет встретиться взглядом с Врадесом. Синеглазый атлет больше всего на свете ненавидел жалость. Или нет, сегодня ночью Кота узнала, что локки он ненавидит еще больше. Остаться в поселении тоже не было сил, Чилва одолеет ее расспросами, а скрыть чувства Кота не сможет.

И тут она вспомнила о нескладном парне, с которым повстречалась в замке харца. Как там его? Ага, Лай! Кажется, он говорил про мостик через Ори. Кота решительно поднялась и быстрым шагом, – пока не проснулись братья, – направилась в сторону города. Конечно, идти придется долго, быстрее добежала бы в образе волчицы. Но у камня есть риск повстречаться с кем-нибудь из своих. Да и горожанин может в обморок грохнуться, увидев приветливо оскалившегося волка...

Одежда локки ничуть не стесняла движений и была даже комфортнее грубых холщовых брюк. Легчайшая, эластичная ткань повторяла каждое движение. Кота даже рассмеялась от удовольствия и побежала. Ветер играл с черными локонами, прогоняя мрачные воспоминания минувшей ночи. Утреннее солнышко

ярко серебрилось в чистой воде родника, который услаждал слух мелодичным журчанием. Светло-зеленая молодая листва тихонько мурлыкала нежную песенку, кокетливо поддаваясь ласке ветерка.

Вот и замок. Перед ней опять выросли темные могучие стены Бая, от которых веяло сыростью. Как она быстро добралась! Видимо, Кота так увлеклась приятными утренними ощущениями, что совсем не заметила, как пролетело время. Маленький мостик из отсыревшего дерева нашелся очень легко, как и полянка неподалеку. Но паренька не было. Кота осмотрелась и решила переждать на большом раскидистом дереве.

С легкостью забравшись, уселась в удобном разветвлении и иронично хмыкнула, вспомнив неудачу в жутко-неудобном платье. Эта одежда словно создана для того, чтобы лазать, бегать... Может, конечно, так оно и было. Кота очень мало знала о магах. Точнее, почти ничего.

– Ой! – испуганно пискнула выскочившая из дупла маленькая белка.

Уронив орех, шмыгнула обратно. Кота удивленно подняла брови. Она и в человеческом облике понимала язык зверей? Хотя, что удивляться, ведь стая могла общаться со зверьем в любом облике, почему Кота должна чем-то отличаться? Просто проверить новые навыки времени не было. Мрачный от возложенной заботы Врадес так рьяно взялся за обучение, как будто от этого зависела жизнь. Да и общаться со зверьем как-то не возникало необходимости, и так было с кем поговорить.

– Эй, мелочь, – насмешливо позвала Кота. Конечно же, это тот наглый зверек, с которым она пререкалась около жертвенного камня, – выходи.

Белка с любопытством высунула кончик носа, но покидать убежище не спешила. Кота подняла орех, застрявший в густой листве. Зверек метнулся было к ореху, но тут же дернулся обратно. Девушка покрутила в пальцах орех, вполне спелый и твердый. Видимо, из прошлогодних запасов. Расколов скорлупу зубами, с удовольствием съела сердцевину. Из дупла послышалось раздраженное бурчание.

– Иди сюда, – вновь позвала зверька Кота.

Белка осторожно вылезла из укрытия. Девушка выбросила ногу и, прежде чем белка успела шмыгнуть обратно, закрыла стопой дыру в коре.

– Надо бы позавтракать, – усмехнулась Кота, с удовлетворением размышляя, что волчьи рефлексy тоже остались при ней.

Белка, услышав эти слова, страдальчески пискнула и изобразила глубокий обморок. Конечно, она поняла, кто эта особа и что сбежать не удастся. Кота осыпала зверька кусочками скорлупы.

– Тащи еще! Судя по запаху, запасов тут немало.

Та судорожно дернулась. И умирать не хотелось, но и отдавать добытые великим трудом запасы тоже. Немного поколебавшись, поднялась и понуро поплелась к дуплу. Кота убрала ногу, пропуская зверька. Через несколько минут, сытая и довольная, она отпустила белку восвояси, решив, что та честно отработала нелюбезное поведение при прошлой встрече.

Солнце подсказывало, что время близилось к полудню. Видимо, юноша не придет. Кота задремала на удобной ветке, вальяжно свесив ноги и руки. Но, услышав легкий шорох, насторожилась и мгновенно спряталась в густой кроне дерева. Через несколько минут на полянку вышел красный от натуги Лай. С облегченным вздохом он бросил на землю длинный сверток, затем стянул мокрую от пота рубаху и повесил на ближайший куст. Разворошив грязно-серую ткань, вывалил на землю несколько клинков и небольшой круглый щит. Обреченно звякнув, груда старого железа замерла на выжженной солнцем траве. Лай внимательно осмотрелся, а Кота с удовольствием отметила, что он ищет ее. Внимание горожанина льстило. Но парень заставил себя ждать, так что она тоже спешить не будет.

Вздыхнув, юноша немного поковырялся в груде оружия. Вытащив короткий широкий меч, отошел подальше от реки и встал в позу, словно оборонялся от воображаемого противника. Кота с интересом разлеглась на широкой ветке и подперла кулачками голову. Так вот какого рода тренировки!

Лай со всей силы замахнулся и с яростным криком нанес по воздуху рубящий удар. Едва устояв на ногах, развернулся, и тут же проткнул то же самое место, сделав выпад правой ногой. Кота разочарованно хмыкнула. Горожанин махал

мечом так, как будто учился у тех скоморохов, якобы сражающихся на ярмарке. Тем временем Лай старательно размахивал железякой, пыхтел и обливался потом. При этом лицо корчил такое, словно он – самый сильный воин Тирии!

Совсем заскучав, Кота решила слезть с дерева. Изящно спрыгнув вниз, с легкостью уклонилась от тяжелого удара Лая. От неожиданности, парень не устоял на ногах и рухнул на землю.

– Ты чего, с ума сошла? – закричал он. – На волосок от смерти была! Я тебя чуть не убил! Зачем под меч лезешь?..

Кота пожала плечами и спокойно ответила:

– С такими успехами, ты и зайца не убьешь.

– Что ты имеешь в виду? – насупился парень, поднимаясь на ноги.

– Только то, что ножички детям не игрушка, – Кота показала язык. – Ты даже не знаешь, как за меч держаться! А уж представление устроил... все зверье в лесу потешается!

Лай покраснел и еще больше насупился. Но, немного потоптавшись, искоса бросил взгляд на Коту.

– А ты что, умеешь драться? – нехотя спросил он, утирая пот со лба.

– Драться? – иронично фыркнула девушка. – Нет! Сражаться – да!

Лай нахохлился, как воробей. На веснушчатом лице отражалась то обида, то некая надежда. В итоге жажда знаний победила.

– Научишь? – буркнул он, отворачиваясь и избегая смотреть на Коту.

– Не знаю, – протянула она, нахмурившись.

Одно дело – критиковать. Совсем другое – брать на себя ответственность за обучение. Кота никогда никого не учила. Сама еще щенок, она только жадно поглощала все, что показывал Врадес и другие. Бои на мечах очень нравились девушке, хотя длились они всего несколько секунд – братья были сильнее. Даже добродушный Кродос, который всегда давал сестре поблажку, никогда не проигрывал. А теперь предоставлялась возможность показать свое умение, ощутить себя чуточку выше. Очень заманчиво...

Пока Кота размышляла, Лай все более мрачнел. Он и так ощутил себя униженным, когда попросил о помощи девчонку. Теперь же мог еще и отказ получить.

– Ладно, – медленно, как бы нехотя, отозвалась Кота. Юноша облегченно вздохнул. – Но прежде, смени меч. Этот не подходит.

– Почему? – удивился Лай.

Кота взяла в руку оружие, которым тот так активно махал, и взвесила в руке.

– Как тебе сказать, – протянула она. – Конечно, можно... даже нужно биться тем, что есть. Но именно этот меч более подойдет для рубки с коня, чем для пешего боя. Рукоять одноручная... неплохо, конечно. Но если рука устанет, сменить будет трудновато. Но самое главное – у него центр тяжести смещен к острию. Это специально для того, чтобы рубить. Вот ты пытался им сражаться... взмок-то как! И устал наверняка. Потому что больше пытался им колоть! Вот! – Кота вытащила из кучи длинный прямой полуторник с сужающимся лезвием. – Колоть удобнее этим.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Водд – бог жизни, богатства, исполнения желаний. Чтобы снискать благосклонность бога, люди приносили ему кровавую жертву.

2

Дорос – бог войны, покровитель воинов

3

Колина – богиня красоты, любви, страсти, деторождения.

4

Морос – бог иллюзий, снов, смерти, магии.

5

Трона – богиня мудрости, покровительница мудрецов, ученичества.

6

Бошос – бог возмездия, справедливости, суда.

Велера – богиня природы, стихий: воды, воздуха, земли и огня.

Купить: https://tellnovel.com/ru/korotaeva_ol-ga/staya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)